

Кафедра Социологии Международных Отношений
Социологического факультета МГУ
имени М.В. Ломоносова

Геополитика

Информационно-аналитическое издание

Тема выпуска:

К а з а х с т а н

В ы п у с к XVI

Москва 2012 г.

Геополитика.
Информационно-аналитическое издание.
Выпуск XVI, 2012. — 106 стр.

Печатается по решению кафедры
Социологии Международных Отношений
Социологического факультета МГУ им М. В. Ломоносова.

Главный редактор:
Савин А. В.

Научно-редакционный совет:
Агеев А. И., докт. эконом. наук
Добаев И. П., докт. философ. наук
Дугин А. Г., докт. полит. наук
Комлева Н. А., докт. полит. наук
Майтдинова Г. М., докт. истор. наук
Мелентьева Н. В., канд. философ. наук
Попов Э. А., докт. философ. наук
Черноус В. В., канд. философ. наук
Четверикова О. Н., канд. ист. наук
Альберто Буэла (Аргентина)
Тиберио Грациани (Италия)
Мехмет Перинчек (Турция)
Матеуш Пискорски (Польша)

© — авторы.
Адрес редакции:
РФ, 117105, Москва, Варшавское ш. 1/1-2, бизнес-центр
W-Plaza, офис А308.
Тел./Факс (495) 783 68 66
Geopolitika.ru@gmail.com
www.geopolitika.ru

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Дугин А.Г.</i> Казахстан и многополярная геополитика	4
<i>Дмитрий Попов</i> Казахстан — ворота Китая в Центральную Азию.	9
<i>Сергей Бирюков</i> «Евразийский союз» как новый интеграционный проект: вклад и значение Казахстана	29
<i>Валихан Тулешов</i> Роль Казахстана в культурно-исторической и цивилизационной парадигме Евразийского экономического союза.	38
<i>Максим Лихачев</i> Стратегия Европейского Союза в Казахстане	49
<i>Стефан Гаррисон</i> Ледники и геополитика.	58
<i>Зохра Азизова</i> Евразийская интеграция: pro et contra	63
<i>Юре Вуич</i> Евразия: новое осознанное геополитическое пространство.	74
<i>Наталья Петрашкова</i> Дилемма иммиграции "по-французски"	90
Рецензии.	93
Сведения об авторах	103

Казахстан и многополярная геополитика

Александр Дугин

Казахстан расположен в центре евразийского материка, а бесменный Президент этой страны, Нурсултан Назарбаев открыто провозглашает евразийство своей путеводной нитью в хитросплетении сложной постсоветской политики. Изучать евразийскую державу, возглавляемую осознанно евразийским правителем с помощью средств евразийской геополитики — совершенно последовательная научная стратегия, необходимая в бурно развивающихся сегодня кругах сторонников многополярности, евразийства и «диалога цивилизаций».

Валютная многополярность Н. Назарбаева

В данной небольшой публикации мне хотелось бы обратить внимание на несколько моментов. Первый состоит в идеи валютной многополярности, обозначенной Нурсултаном Назарбаевым в программной статье «Ключи от кризиса», опубликованной в «Российской Газете» от 02.02.2009 (№4839). Время публикации было выбрано явно неудачно: в период президентства Медведева в РФ преобладали атлантистские настроения и призывы к многополярности никем не воспринимались всерьез. Но содержание этой статьи можно рассматривать как ключ к политической философии Назарбаева и, соответственно, к его пониманию места и роли Казахстана в общем мировом контексте.

Назарбаев анализирует причины мирового финансового кризиса 2008 г., который затронул и его страну, и приходит к следующему выводу: в этом кризисе виновата система «валютной однополярности» или, иными словами, «долларовый империализм». Назарбаев утверждает, что право на выпуск мировой резервной валюты, узурпированное ФРС США, представляет собой анахронизм, сдерживает развитие мировой экономики и лежит в основе существующего кризиса. Это «право» является монопольным, а следовательно, недемократическим, а на практике, ведет к катастрофическим последствиям.

Далее Назарбаев делает вывод, что необходимо перейти к альтернативной мировой финансовой системе, основанной на плюрализме региональных валют. Для Евразии это рубль, для Тихоокеанского региона — юань или йена, для исламского мира — реал, для Европы, соответственно, евро. Доллар же в таком случае останется региональной валютой обеих Америк или только Северной Америки (проект

Амеро). Только такая система позволит преодолеть мировой кризис и избежать его в будущем.

В этом проекте вся сущность курса Назарбаева, его евразийства. Казахстан Назарбаев видит не как просто страну в глобальном мире, но как сердце Евразии, как средоточие особой цивилизации, имеющей в себе как западные, так и восточные черты. К этой цивилизации относится, безусловно, Россия, а также иные восточнославянские страны, но, вместе с тем, и государства Центральной Азии, населенные тюркскими этносами. Назарбаев мыслит как представитель всей Северо-восточной Евразии. Тем самым он по концентрическим кругам описывает спираль вокруг Казахстана по всему постсоветскому пространству. Это и есть потенциальные контуры полюса многополярного мира, и сделать его реальностью может принятие плана плюральности валют. Назарбаев тем самым показывает место Казахстана в общей глобальной системе: Казахстан мыслит от лица всей Евразии, а через нее — от лица многополярного мира в масштабе всего человечества.

Этим объясняется и лидерство Казахстана в большинстве интеграционных проектов на постсоветском пространстве (Таможенный Союз, ЕЭП, ЕврАзЭС, ШОС). Назарбаев мыслит глобально, а действует регионально, подчиняя во многом этой региональной интеграции внутреннюю политику своей страны.

Валютная многополярность, предложенная Назарбаевым — решение не только для Казахстана или для России; это еще и конкретный план геополитических и геоэкономических реформ для других регионов мира, которым предлагается внимательно рассмотреть проект и аргументацию казахстанского президента. Таким образом, евразийство как метод и стратегия выходит за рамки постсоветского пространства и подталкивает другие регионы (как на евразийском материке, так и за его пределами) применить эту модель к себе.

Конечно, это революционный проект, требующий опрокидывания современной планетарной финансовой системы, основанной на глобальной доминации США, Запада в целом и глобальной олигархии. Но на фоне углубляющегося кризиса американской экономики и американской гегемонии в целом, такие проекты будут все более востребованы.

Показательно, что давно настаивавший на евразийстве Назарбаев наконец-то был услышан и в Москве. После публикации программной статьи В.В. Путина о «Евразийском Союзе» Кремль стал делать один за другим конкретные шаги по интенсификации интеграционных процессов. Вполне можно предположить, что незамеченное Россией

Медведева предложение Назарбаева по валютной многополярности, Россией Путина будет воспринято более внимательно. Но это значит, что Казахстан может оказаться в роли флагмана геополитической и геоэкономической революции.

Евразийская геополитика и региональные исследования

Второй момент состоит в постановке задачи, которая часто упускается из виду авторами, пишущими книги на тему стратегии и геополитики. Дело в том, что в геополитической дисциплине после Второй мировой войны полностью доминирует атлантистская точка зрения. Вся карта планеты описана с позиции Запада (чаще всего США) и его глазами. Это аффектирует не только выбор приоритетных тематик, но и сам метод, так как геополитика как наука зависит от позиции наблюдателя. Однако второй, сухопутный взгляд не просто возможен и легитимен, но составляет пару взгляду морского с самых первых работ, написанных о геополитике (например, у Мэхэна или Макиндера). В отношении любого стратегического феномена в любой точке планеты может быть как взгляд с позиции Sea Power, так и с позиции Land Power. Точка зрения Sea Power представлена широко. Точка зрения Land Power часто вообще игнорируется. Во время моей личной встречи с Збигневом Бжезинским в Вашингтоне я задал ему вопрос, задумывался ли он, что «шахматы — игра для двоих»? Он искренне ответил, что нет... Атлантисты привыкли играть в геополитику за обе стороны — за белых и за черных. Это символично.

Поэтому развертывания континентальной геополитики — это важнейшая научная задача для тех школ, которые не довольствуются прислуживанием мировой гегемонии, к тому же переживающей кризис и распад, и которые стремятся к более взвешенной позиции. Кроме атлантистов есть евразийцы. Кроме однополярного (или бесполярного) мира, есть проект мира многополярного. Это альтернативные проекты, один из них отражает статус-кво, другой революционную возможность, но оба они теоретически обоснованы, рациональны и аргументированы.

Когда в Турции был издан мой учебник «Основы геополитики», написанный с евразийских позиций, он произвел переворот как в Университетах, так и в военных академиях и школах. Турки, ранее знакомые с геополитикой только из англосаксонских и атлантистских источников, открыли для себя другую перспективу, оказавшуюся весьма созвучной их собственной цивилизационной идентичности.

Когда я рассказал Н.Назарбаеву о такой рецепции «Основ геополитики» и евразийства, это его чрезвычайно воодушевило. Он явно испытывал напряжение, будучи вынужденным выбирать между притяжением к России и симпатиями к Турции. Всплеск интереса к евразийству в Турции снимал в значительной мере эту проблему. Вот так важно, подчас, вовремя вбросить чисто теоретические концепты.

Кстати, в Турции переведена и издана моя книга «Евразийская миссия Нурсултана Назарбаева», описывающая Казахстан с геополитическими позициями.

Но и в этом случае, как и с многополярностью, сухопутная позиция евразийской геополитики не ограничивается конкретным регионом — Россией, Казахстаном и Турцией. Land Power это не только Россия или страны СНГ, это широкий цивилизационный и стратегический концепт. В сегодняшних реалиях это еще и синоним многополярности. Поэтому взгляд с позиции Land Power может и должен быть брошен на регион Европы, Средиземноморья, арабский мир, Центральную Азию, Дальний Восток, Транс-сахарскую Африку, Латинскую Америку, Тихоокеанский регион и т.д. Везде сухопутная (евразийская) геополитика может сказать свое слово, применить свои методы и предложить свои проекты. И более того, везде могут и должны были бы постепенно сплотиться

сухопутные геополитические школы — параллельно тому, как космополитическая элита большинства прозападных наций давно изучает атлантическую геополитику, геополитику Моря. Те же, кто противостоит американской гегемонии и империализму Запада, часто и не подозревают о существовании континентальной геополитики и проектах многополярного мира. Поэтому опыт евразийского Казахстана, где геополитике уделяется особое внимание, при подготовке местной элиты, может стать прекрасным примером и стимулом для развития национальных геополитических школ.

Параллельно возникает идея: нам необходимы обоснованные суммирующие работы по геополитике всех крупных регионов, написанных с сухопутных, теллуократических позиций: «Геополитика Европы», «Геополитика Тихого Океана», «Геополитика ислама», «Геополитика Латинской Америки», «Геополитика Китая», «Геополитика Индии» и т.д. И только после такого тщательного геополитического исследования целых регионов (потенциальных полюсов будущего многополярного мира) можно переходить к более конкретным зонам — соответствующим масштабу отдельных стран или их территорий.

Работа предстоит огромная, но совместными усилиями континенталисты-геополитики из самых разных стран Европы и Азии вполне могут с этим справиться, если смогут наладить между собой интенсивные творческие и научные контакты.

Казахстан — ворота Китая в Центральную Азию

Дмитрий Попов

Приоритеты

Рост экономики, политического влияния и военного потенциала современного Китая все больше беспокоят Вашингтон. США реализуют в отношении КНР стратегию «страхования рисков» («хеджирования»), пытаясь изолировать Пекин в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) и Индийском океане, окружая страну сетью экономических и политических группировок, размещая по периметру границ военную инфраструктуру. АТР становится очевидным приоритетом политики США в XXI веке¹. В этих условиях Китаю важно сохранить стратегические тылы и хорошие отношения со странами на тех направлениях, где это возможно: с Россией, Пакистаном, странами Центральной Азии (ЦА). В центральноазиатском регионе, который с учетом его близости к границам России, Китая и Ирана уже давно превратился в объект западных геополитических конструкций, ключевым партнером Китая становится Казахстан.

Выстраивать отношения с бывшими советскими республиками ЦА Пекин начал сразу после обретения ими независимости, действуя поэтапно. На сегодняшний день ему в целом удалось формально урегулировать оставшиеся в наследие от эпохи советско-китайских противоречий пограничные споры со странами региона; добиться их общего отказа от поддержки уйгурских сепаратистов и признания территориальной целостности КНР; улучшить имидж и доверие к китайской цивилизации. Совместно с Россией достигнуто понимание необходимости объединения усилий в борьбе с афганским наркотрафиком и псевдорелигиозными террористическими группами, хотя переломных результатов в этой борьбе еще только предстоит добиться.

Актуальные задачи текущей повестки дня для Китая — обеспечить стабильность государств ЦА; не допустить чрезмерного усиления в регионе какой-либо одной державы, включая Россию, но, прежде всего, США, предотвратить попытки американцев развернуть здесь ударные и разведывательные объекты; использовать сырьевой и торговый потенциал ЦА в интересах развития северо-западных окраин КНР². В целях решения этих задач Пекин делает ставку на Казахстан, занимающий выгодное транспортно-географическое положение, богатый сырьем и претендующий на роль лидера в ЦА. Другое

¹ Clinton, Hillary. America's Pacific Century // Foreign Policy. November 2011.

² Центральная Азия сегодня: вызовы и угрозы / Под общей ред. д.п.н., проф. К.Л. Сыроежкина: Монография. Алматы: КИСИ при Президенте РК. 2011. С. 295 - 296.

государство, оспаривающее у Астаны названный статус, Узбекистан, пока сохраняет наибольшую дистанцию среди государств региона в отношениях с Пекином.

Стратегический разворот Казахстана в сторону Китая произошел в середине 2000-х гг. под влиянием нескольких совпавших факторов. Цветные революции 2003 — 2005 гг., пересмотр Казахстаном нефтегазовых контрактов с западными корпорациями в условиях роста мировых цен на нефть и череда громких коррупционных скандалов в США и Европе с участием первых лиц республики (включая нашумевший «Казахгейт») привели к заметному охлаждению отношений страны с Западом. Возникла необходимость диверсификации как рынков сбыта энергоносителей, так и прежних внешнеполитических ориентиров. В Астане посчитали, что опираться исключительно на Москву в этих условиях чревато ростом зависимости от северного соседа, сужает возможности для «многовекторной» игры на противоречиях ведущих держав и ограничивает перспективы, которые открывает сотрудничество с Китаем. Последний же традиционно не афишировал подробности зарубежных сделок, терпимо относился к различным политическим режимам, сулил масштабные кредитные вливания, а главное — усиленно искал пути продвижения своих интересов в регионе. Все это делало его весьма привлекательным партнером для Астаны³.

В результате принципиального решения происходит общий рост частоты и насыщенности межгосударственных и межведомственных контактов двух стран, что, несмотря на сохраняющиеся стереотипы, повышает доверие к Китаю казахских элит. За 7 лет (с 2005 по 2011 гг.) президент Казахстана Нурсултан Назарбаев и председатель КНР Ху Цзиньтао провели более 20 встреч⁴. Республика, имеющая самую протяженную из стран ЦА границу с КНР (около 1740 км), подписала Протокол о демаркации линии общей границы от 10 мая 2002 г. и Соглашение о режиме границы от 20 декабря 2006 г., в основном сняв острую пограничную проблему с повестки дня. Начинается принципиально новый этап двухсторонних отношений, ознаменовавшийся установлением в июле 2005 г. стратегического партнерства. В качестве институционального механизма для реализации совместных проектов в июле 2004 г. создан межведомственный Комитет по сотрудничеству, состоящий из десяти профильных подкомитетов (по безопасности, энергетике,

³ Страны СНГ и Балтии в глобальной политике Китая // Проблемы национальной стратегии. № 1(10). 2012. С. 13-14.

⁴ Выступление Министра иностранных дел РК Е.Казыханова в Китайском институте международных проблем на тему: «Казахстан и взаимодействие во имя мира и процветания». 09.09.2011.

геологии, железнодорожному транспорту, торговле, финансам) и одной Совместной комиссии по использованию и охране трансграничных рек.

Для Пекина республика представляет интерес, с одной стороны, как ворота в Центральную Азию, через которые должны пройти основные транспортные и энергетические коридоры, связывающие КНР с регионом, с другой — как источник природных ресурсов, столь необходимых для развития китайской экономики (нефти, металлов, урана). Одновременно Китай рассматривает Казахстан с его более чем 16-миллионным населением как важный рынок сбыта своих товаров и канал их последующего транзита в Россию⁵. Сконцентрировавшись на указанных направлениях, китайская сторона стала вести в Казахстане системную работу, используя свои традиционные инструменты — льготное кредитование, возможности госкорпораций, «персональный подход» к местному истеблишменту.

Нефть

Сотрудничество в нефтегазовой сфере — главный приоритет двусторонних отношений Астаны и Пекина. Его оживление началось еще в 1997 г., когда было подписано Соглашение о сотрудничестве в области нефти и газа между Министерством энергетики и минеральных ресурсов РК и компанией CNPC, а также Соглашение по строительству нефтепровода из Казахстана в Китай. Основные приобретения в нефтегазовом секторе были сделаны китайскими корпорациями (CNPC, Sinopec Engineering, CITIC Group) позже, на волне экономического кризиса.

Астана рассматривает сближение с КНР как способ уйти от монополии России на транспортировку центральноазиатских углеводородов и снизить зависимость от западных ТНК, активно осваивающих ресурсы Казахстана с 90-х гг. прошлого века. Также некоторые представители казахского истеблишмента ожидают, что в будущем республика сможет стать удобным коридором для транзита в Китай энергоносителей из Ирана, хотя многие эксперты скептически оценивают такую возможность.

Для Пекина, поставившего цель диверсифицировать источники сырья, ЦА представляет интерес как одна из нескольких резервных сырьевых баз, наряду с месторождениями в Юго-Восточной Азии, Латинской Америке и России, а также проектами наращивания собственной добычи. В сравнении со странами Ближнего и Среднего Востока, на которые приходится более половины китайского импорта

⁵ Sébastien Peyrouse, Jos Boonstra and Marlène Laruelle. Security and development approaches to Central Asia. The EU compared to China and Russia // EU-Central Asia Monitoring Working Paper No. 11. May 2012. P. 11.

нефти, возможности ЦА ограничены. Доказанные запасы нефти здесь составляют 5,7 млрд т или около 3% общемировых, газа — 11,4 трлн куб. м или 6,1% общемировых⁶. Однако на фоне обостряющейся геополитической борьбы Пекина с Западом за контроль над морскими маршрутами доставки углеводородов, главным преимуществом региона становится его удаленность от морских путей и связь с Китаем посредством более безопасных континентальных трубопроводов⁷.

Сам Казахстан привлекает китайских инвесторов как ключевой поставщик нефти в ЦА (на его долю приходится более 96% доказанных запасов нефти региона)⁸, а также наиболее удобная равнинная и безопасная территория для транзита в КНР газа из Туркмении, где сосредоточено 70% доказанных запасов этого сырья в пределах ЦА. В целом Казахстан стал главным центральноазиатским партнером Китая в части реализации энергетических интересов Поднебесной.

К началу 2011 г. китайский капитал приобрел активы 22 из 79 нефтедобывающих компаний Казахстана⁹ и нарастил свою долю в казахстанской нефтедобыче до 22,5%, достигнув по этому показателю второго-третьего места. Доля самого Казахстана составила 28%, США — 24%, а России — 9%¹⁰.

Успехи китайских корпораций стали возможны благодаря использованной стратегии проникновения на нефтегазовый рынок Казахстана. Прежде всего, Пекин сформировал альянс с казахстанской Национальной компанией «КазМунайГаз» (КМГ), отвечающей за реализацию интересов Астаны в нефтегазовой сфере. По результатам 2010 г. китайские организации являлись партнерами в 5 из 11 нефтедобывающих предприятий с долевым участием КМГ, а их доля в общем объеме добычи КМГ составила 15,4%¹¹. Государственный фонд «China Investment Corp.» (СIC), например, скупил на Лондонской бирже 11% акций дочернего подразделения «КазМунайГаза» по добыче углеводородов АО «Разведка и Добыча «КазМунайГаз». Во-вторых, Китай выступил союзником Астаны в ее стремлении вернуть под контроль ряд стратегических предприятий отрасли, в частности Шымкентский и Павлодарский НПЗ. Также, по ряду сделок (покупка АО «ПетроКазахстан», АО

⁶ See: BP Statistical Review of World Energy. June 2011.

⁷ Малышева Д.Б. Центральноазиатский узел мировой политики. М.: ИМЭМО РАН. 2010. С. 52.

⁸ BP Statistical Review of World Energy. June 2011.

⁹ Проблемы развития мировой энергетики: опыт для Казахстана. Коллективная монография / Под общ. ред. Б.К. Султанова. Алматы: КИСИ при Президенте Республики Казахстан, 2012. С. 73-75.

¹⁰ Две стороны казахстанской нефти // Ежедневная республиканская общественно-политическая газета «Литер» (Казахстан). 24 мая 2011 г.

¹¹ Там же.

«Мангистаумунайгаз») китайской стороной были предложены исключительные финансовые условия.

Но все же, вероятно, главным фактором, обеспечившим китайскому бизнесу преимущество в конкурентной борьбе с западными и российскими игроками за нефтегазовые ресурсы республики, явилась многомиллиардная кредитная линия, открытая Пекином в разгар мирового финансово-экономического кризиса и в условиях падения мировых цен на энергоносители, когда Казахстан испытал острую потребность в ликвидности. Крупнейшим стало соглашение, достигнутое в апреле 2009 г. во время визита президента Н. Назарбаева в Пекин, о кредите в размере 10 млрд. долл., которое во многом предопределило продажу «Мангистаумунайгаза» китайской CNPC¹². По официальной статистике на 31 декабря 2011 г., китайские банки и фонды предоставили займы на общую сумму более 13 млрд. долл.¹³ По экспертным же оценкам, только в 2008 — 2011 гг. Казахстан получил от КНР кредиты на сумму 18,5 млрд. долл.¹⁴ В основном эти деньги пошли именно в нефтегазовый сектор, где, по данным казахстанского руководства, они обеспечивают более четверти (26%) всех текущих иностранных вложений¹⁵.

При этом, как и в других странах ЦА, Пекин предпочитает закачивать в казахстанскую экономику, в первую очередь, кредиты и в гораздо меньшей степени прямые инвестиции, объем которых к марту 2011 г. составил только 3,35 млрд. долл.¹⁶ (или менее 4% всех ПИИ). В настоящее время Китай продолжает наращивать объемы кредитования, проникая во все новые отрасли казахстанской экономики. Так, по итогам государственного визита Нурсултана Назарбаева в КНР 21-23 февраля 2011 г. был подписан пакет кредитных соглашений между казахстанским Фондом национального благосостояния «Самрук-Казына» и Государственным банком развития Китая на сумму более 2 млрд дол., а также индивидуальное кредитное соглашение между Банком развития Казахстана и Экспортно-импортным банком Китая на сумму 5 млрд. долл.

Несмотря на очевидные достижения, Китай, тем не менее, пока не превзошел совокупных показателей западного бизнеса в Казахстане.

¹² Малышева Д.Б. Центральноеазиатский узел мировой политики. С. 54.

¹³ Валовый внешний долг Казахстана по странам-кредиторам по состоянию на 31 декабря 2011 г. Статистика Национального Банка Республики Казахстан.

¹⁴ Проблемы развития мировой энергетики: опыт для Казахстана. С. 70.

¹⁵ Назарбаев намерен развивать экономическое сотрудничество с Китаем // РИА Новости. 22.02.2011 г.

¹⁶ Состояние нетто-позиции по инвестициям в разрезе основных стран-партнеров на 31 марта 2011 г. Статистика Национального Банка Республики Казахстан.

Последний гораздо раньше пришел на местный рынок энергоносителей и успел не только накопить сверхприбыли, но и вложиться в казахстанский топливно-энергетический и горнодобывающий комплексы. На начало 2011 г. на тройку Нидерланды, Великобритания и США приходилось более 66 млрд. долл. кредитов (53% валового внешнего долга Казахстана) и около 49 млрд. (57%) прямых иностранных инвестиций¹⁷. Но эти результаты были достигнуты в прошлом, и тренд очевидно изменился. Китайские вложения растут большими темпами. Они носят межгосударственный характер и им в меньшей степени свойственна спекулятивная «оффшорная» составляющая. Они пришли во время кризиса мировой экономики, когда остальные инвесторы сворачивали свои программы, и гармонично вписались в устремления казахстанского руководства. Наконец, они ориентированы на работу, в первую очередь, с госкомпаниями, а не частными ТНК.

Потенциал КНР, таким образом, далеко не исчерпан. По прогнозам Министерства нефти и газа Казахстана, если Китай не будет наращивать свое участие в казахстанской нефтедобыче, его доля в отрасли начнет снижаться уже в 2013 г. и опустится к 2020 г. с нынешних 22,5% до 11%¹⁸. Это связано со структурой активов — китайские компании в основном приобрели старые месторождения, прошедшие пик добычи и находящиеся на этапе снижения производства. Отсюда, вероятно, Пекин в будущем будет стремиться к получению доступа к наиболее перспективным проектам на шельфе Каспийского моря, что обострит конкуренцию с работающими здесь западными и отчасти российскими нефтедобывающими компаниями¹⁹. Такой вывод вытекает и из заявлений Пекина о желании увеличить пропускную способность нефтепровода «Кенкияк — Алашанькоу». Решающей в этой конкурентной борьбе станет позиция Астаны. Фактором же, сдерживающим движение Китая к Каспию, могут послужить расхождения в оценке доказанных запасов углеводородов на западе республики (эксперты не исключают, что они завышаются казахской стороной). При всем сказанном, отношения двух стран в нефтегазовой сфере нельзя назвать абсолютно безоблачными. Они сопряжены с рядом проблем.

В казахстанском обществе, элитах и деловых кругах растут опасения по поводу возможного превращения Китая в главного игрока на рынке энергоносителей Казахстана. В республике появились явные

¹⁷ Для сравнения: российские займы в Казахстане оценивают в 2,6 млрд. долл., а ПИИ — 1,17 млрд. См.: Статистика Национального Банка Республики Казахстан. Валовый внешний долг Казахстана по странам-кредиторам по состоянию на 31 марта 2011 г. и Состояние нетто-позиции по инвестициям в разрезе основных стран-партнеров на 31 марта 2011 г.

¹⁸ Две стороны казахстанской нефти.

¹⁹ Sébastien P. Central Asia's growing partnership with China // EU-Central Asia Monitoring Working Paper No. 4. Oct. 2009. P. 4.

противники дальнейшего углубления энергетических связей с КНР, растет число негативных публикаций в прессе на тему возможного использования Пекином нефтегазовых контрактов для давления на казахстанское руководство. Также Астану беспокоит стремление Китая покупать углеводороды по заниженным ценам. Весомым аргументом, усиливающим позиции Китая на переговорах по цене на казахстанскую нефть, является тот факт, что Пекин выступает монопольным покупателем на конце трубопровода «Кенкияк — Алашанькоу». Усиливается недовольство поведением китайских нефтегазовых компаний в Казахстане. Отмечен рост числа митингов и протестов, призванных обратить внимание на неудовлетворительные условия труда казахстанских граждан в китайских и совместных предприятиях. К китайскому капиталу возникли претензии, связанные с нарушениями экологического законодательства.

Металлы

Помимо нефтегазового сектора КНР проявляет значительный интерес к такой отрасли экономики Казахстана, как добыча металлов. Государственный банк развития Китая в 2010 г. предоставил казахстанскому медному гиганту «Казахмыс» кредит в размере 2,7 млрд. долл. на освоение месторождения «Бозшаколь» и намерен выделить займ в 1,5 млрд. долл. на разработку рудника «Актогай». Последний является одним из самых крупных неразработанных месторождений в мире с содержанием меди и попутных продуктов в 5 млн. т. Как ожидают в Астане, с учетом собственных затрат «Казахмыса» инвестиции в отрасль в течение 6 — 7 лет должны составить около 5 млрд. долл.²⁰ Объем выработки медного концентрата по двум крупнейшим названным рудникам планируется в районе 200 тыс. т. в год, что позволит увеличить текущее производство «Казахмыса» сразу на 60%²¹. Это, в свою очередь, повысит конкурентоспособность казахстанской компании по отношению к российским поставщикам меди, ориентированным на аналогичные рынки. Вероятно, в пользу КНР изменится и пропорция экспорта казахстанской меди (сейчас в Китай поставляется 60% продукции «Казахмыса», в Европу — 40%).

При этом, как утверждают в штаб-квартире компании, Казахстан, по условиям сделки, сохранит контроль над обоими перспективными месторождениями. Китайская корпорация «Jinchuan

²⁰ Науменко Я. «Казахмыс» вложит \$5 млрд в новые месторождения // Деловой еженедельник «Капитал» (Казахстан). № 22 (307). 16 июня 2011 г.

²¹ Госбанк Китая предоставит Казахмысу кредит на 1,5 млрд долларов. 13.06.2011 // <http://www.bnews.kz/ru/news/post/52448/> (13.06.2011).

Group Ltd.», с которой обсуждается создание СП, претендует на долю в 49%. Тем не менее, все это позволяет говорить о том, что в медной отрасли Казахстана, как и в нефтедобыче, постепенно формируется альянс с Китаем.

Пекин стал новым игроком и на казахстанском рынке ядерных материалов. Как известно, республика занимает второе место в мире по разведенным запасам урана (21% от общемировых)²², а в 2009 г. вышла на первое место в мире по объемам его добычи (28%), потеснив здесь Канаду (24%) и Австралию (19%). Главной проблемой отрасли для Казахстана остается то, что после распада СССР, она обладает только двумя звеньями ядерно-топливного цикла — добычей урана и производством топливных таблеток. Отсюда, перспективы развития сектора правительство Казахстана связывает с формированием недостающих звеньев (конверсии, обогащения, производства тепловыделяющих сборок). Несмотря на предложения России, которая в отличие от Казахстана имеет все технологии, но ограничена в доступе к дешевому урановому сырью, переговоры по интеграции «Росатома» и «Казатомпрома» и созданию объединенного атомно-энергетического комплекса явно затянулись. Наибольшие результаты пока достигнуты в кооперации по обогащению казахстанского урана на территории России, тогда как в области конверсии Астана создает совместные предприятия с канадской Cameco, а производства топливных сборок для АЭС — французской AREVA²³. Не исключено, что Китай станет одним из партнеров Астаны в части реализации ее планов по освоению новых технологических цепочек. В частности, Китай уже присоединился к переговорам «Казатомпрома» и AREVA²⁴.

Другой задачей развития отрасли, которую ставит перед собой Казахстан, является диверсификация поставок. По планам руководства «Казатомпрома», благодаря интенсивному развитию атомной энергетики КНР станет крупнейшим потребителем казахстанского урана, а по мере освоения Казахстаном полного ядерно-топливного цикла — также и продукции с более высокой степенью переработки. Пока же стороны договорились об экспорте в Китай 25 тыс. тонн урана и начале поставок с 2011 г. урановых таблеток. В последнем случае «Казатомпром» ожидает, что объемы продаж таблеток в КНР вырастут

²² А.М. Абсаметова, Е.Ю. Винокуров. Сотрудничество России и Казахстана в атомно-энергетическом комплексе. // Отраслевой обзор. № 11. Евразийский банк развития. 2011.

²³ Государственная программа по форсированному индустриально-инновационному развитию Республики Казахстан на 2010-2014 гг. (ГПФИИР). Утверждена Указом Президента Республики Казахстан от 19 марта 2010 г. № 958.

²⁴ Казахстан хочет добывать до 25.000 т урана в ближайшие годы // Сайт НАК «Казатомпром». 05.04.2011. http://www.kazatomprom.kz/ru/news/1/kazahstan_hochet_dobyvat_do_25.000_t_urana_v_blizhajshie_gody.

с 2 тонн в 2011 г. до 200 тонн в 2014 г.²⁵, что имеет принципиальное значение для Астаны после того, как от них в пользу собственной продукции отказалась российская промышленность. Таким образом, если России и Казахстану не удастся договориться о глубокой интеграции в сфере использования мирного атома, они будут обречены на возрастающую конкуренцию за перспективные рынки Восточной и Юго-Восточной Азии не только с ведущими мировыми компаниями, но и друг с другом.

В целом, Пекин проявляет наибольший интерес именно к добывающим отраслям экономики Казахстана, открывающим доступ к природным богатствам республики. Однако, в отличие от некоторых других стран региона, Астана имеет возможность более настойчиво требовать от КНР инвестиций в несырьевой сектор и локализации производств на своей территории. Результатом усилий руководства страны, предпринимаемым в этом русле, явилось включение в повестку казахстано-китайского сотрудничества таких проектов как строительство Майнакской ГЭС, газохимического комплекса в Атырауской области, битумного завода в Актау, высокоскоростной дороги «Астана — Алматы» и др.

Инфраструктура

Второе крупное направление китайской экономической политики в Казахстане — это создание здесь масштабных инфраструктурных объектов, необходимых для вывоза сырья и стимулирования торговых связей. К наиболее значительным проектам относятся нефтепровод «Казахстан — Китай», казахстанская часть газопровода «Туркмения — Китай», автомобильная трасса «Западный Китай — Западная Европа» и межгосударственный железнодорожный коридор.

Строительство магистрального нефтепровода между странами, переговоры по которому велись с 1997 г., осуществлялось в два этапа. Первая очередь (участок «Атасу — Алашанькоу», протяженностью 962 км²⁶) полностью завершена в 2008 г. и соединила китайскую нефтетранспортную систему со старыми месторождениями Центрального Казахстана. Вторая очередь («Кенкиак — Кумколь», 794 км) окончена в декабре 2010 г. и открыла доступ уже к перспективным западноказахстанским месторождениям каспийского шельфа. Источником финансирования магистралей стали китайские займы.

²⁵ Казахстан планирует увеличить продажу урановых таблеток Китаю // Российское атомное общество. 25.08.2011. <http://www.atomic-energy.ru/en/node/25710>.

²⁶ История товарищества // Сайт оператор проекта ТОО «Казахстанско-Китайский Трубопровод». <http://www.kkt.kz/history> (20.10.2011).

Функции строительства и эксплуатации были возложены на ТОО «Казхстано-Китайский Трубопровод», созданное сторонами на паритетных началах. Общая протяженность маршрута от побережья Каспия до границы Китая составила более 2 700 км, а пропускная способность — 10 млн. т. нефти в год.

Рис. 1. Маршруты экспорта казахстанской нефти

По итогам 2011 г. в Китай экспортировано 10,9 млн. т. нефти из Казахстана, что делает это направление третьим экспортным маршрутом для республики после следующих через территорию России нефтепроводов КТК (29,9 млн. т.) и «Атырау — Самара» (15,4 млн. т.)²⁷. В планах сторон увеличить пропускную способность нефтепровода в Китай уже в 2012 г. до 12 млн. т., а в дальнейшем до 20 млн. т., при том что общий уровень добычи нефти в Казахстане в последние годы колеблется на отметке 80 млн., а экспорта — 71 млн. т. в год²⁸.

Благодаря новому нефтепроводу Астана значительно диверсифицировала географию поставок своих энергоносителей и снизила зависимость от маршрутов, идущих через Россию. Кроме того, впервые вся территория республики была объединена единой

²⁷ Объемы транспортировки казахстанской нефти в 2011 г. // Сайт АО НК «КазМунайГаз» <http://www.kmg.kz/manufacturing/oil/> (22.05.2012).

²⁸ Обзор нефтяной промышленности Казахстана за 2011 г. // Сайт Министерства нефти и газа Республики Казахстан. http://mgm.gov.kz/index.php?option=com_content&view=category&layout=blog&id=41&Itemid=63&lang=ru (22.05.2012).

нефтетранспортной инфраструктурой, а западные нефтедобывающие районы были связаны с востоком страны, где сосредоточены промышленные и нефтеперерабатывающие мощности. Последнее достижение, правда, весьма условно, поскольку труба законтрактована под нефть для КНР.

Потенциальным риском, как было отмечено выше, является наличие на другом конце маршрута только одного потребителя, традиционно претендующего на закупку углеводородов по минимальным ценам. На повестке дня остается и проблема наполняемости нефтепровода «Казахстан — Китай». Известно, что ранее, в 2009 г. объем экспорта казахстанской нефти по данному нефтепроводу не превышал 6,2 млн. т. при заявленной пропускной способности первой нитки в 10 млн. т. в год, что побудило Астану дополнительно прокачивать по магистрали российскую нефть. С учетом планов Казахстана и КНР увеличить мощность трубы до 20 млн. т. в год к 2020 г. проблема ее наполняемости, вероятно, сохранит свою актуальность²⁹.

Перспективной стратегической сверхзадачей для Пекина может стать продолжение казахстанско-китайского континентального нефтепровода до Ирана, что потенциально обеспечит Поднебесную инфраструктурой доступа сразу к двум крупнейшим нефтегазовым районам мира — каспийскому и персидскому. Проект потребует участия в качестве транзитной территории Туркмении, где позиции Китая в последние годы также заметно укрепились. Вместе с тем, хотя геополитические мотивы подобного проекта понятны, остается спорной его экономическая и техническая целесообразность. Предсказуемым будет и противодействие со стороны США.

В сравнении с нефтяным экспортом Казахстан обладает довольно скромными возможностями в части поставок природного газа, что обусловлено как особенностями существующих месторождений, так и уровнем применяемых технологий. Отсюда, республика, где экспорт газа по итогам 2011 г. сократился до 8,1 млрд. куб. м³⁰, изначально рассматривалась Пекином как, прежде всего, удобный степной маршрут транзита в КНР туркменского и узбекского газа. Введенный в эксплуатацию в декабре 2009 г. газопровод «Казахстан — Китай», протяженностью 1300 км и стоимостью 5,2 млрд. долл., стал отрезком трансрегиональной газотранспортной магистрали «Туркменистан —

²⁹ Проблемы развития мировой энергетики: опыт для Казахстана. С. 76-77.

³⁰ Обзор газовой промышленности Казахстана за 2011 г. // Министерство нефти и газа Республики Казахстан. http://mgm.gov.kz/index.php?option=com_content&view=category&layout=blog&id=42&Itemid=64&lang=ru (22.05.2012).

Китай»³¹. Его мощность до конца 2012 г. должна быть доведена до 30 млрд. куб. м в год с возможностью последующего расширения до 40 млрд. кубометров.

Развивая сотрудничество с Пекином в области транспортировки газа, Астана рассчитывает не только на пополнение казны за счет транзитных сборов, но и на газификацию своих южных регионов и снижение их энергетической зависимости от Узбекистана. В этом плане избранный маршрут уже построенного газопровода «Казахстан — Китай», охватывающего только юго-восточные районы республики, не до конца устраивает казахстанское правительство. В результате оно инициировало переговоры с китайской стороной о строительстве еще одного газопровода по маршруту «Бейнеу — Бозой — Акбулак», который должен быть сдан к 2015 г. и пройти уже по юго-западным и южным областям страны. Данный участок, протяженностью 1510 км и мощностью 10 млрд. куб. м (с возможностью расширения до 15), предварительно оценивается в 3,2 млрд. долл.³². В Астане его представляют как вторую очередь трассы «Казахстан — Китай», но на деле он должен выполнять не только функции экспортного маршрута (где Пекин законтрактовал 5 млрд. куб. м в год³³), но и внутриреспубликанской ветки по распределению прикаспийского газа в юго-западные и южные регионы страны.

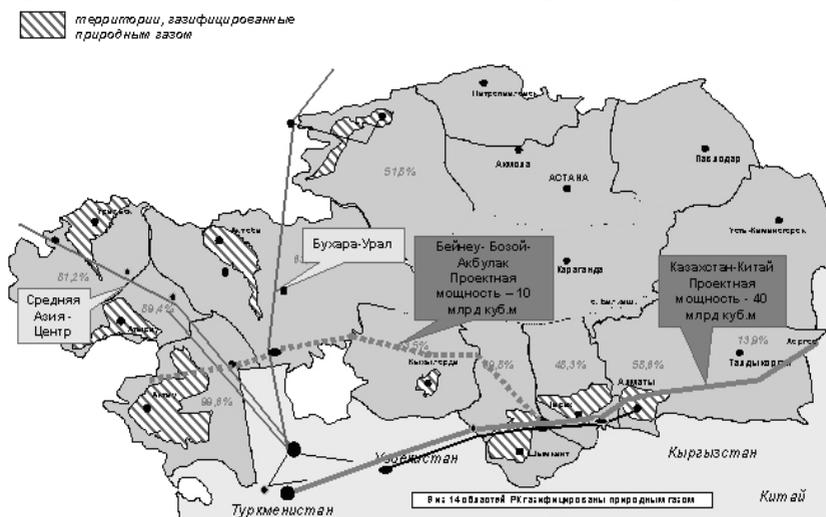

Рис. 2. Магистральные газопроводы Казахстана

³¹ Проект строительства магистрального газопровода «Казахстан — Китай» // Сайт АО «КазТрансГаз» <http://www.kaztransgas.kz/projects> (20.10.2011).

³² Там же.

³³ На газопровode «Бейнеу — Шымкент» завяты первый стык в июле. 25.05.2011 // Профинанс.kz. <http://profinance.kz/2011/05/25/na-gazoprovode-beneu-ymkent-zavarty-pervyy-styk-v.html>.

К числу главных инфраструктурных проектов Казахстана и КНР относятся также автотранспортный коридор «Западный Китай — Западная Европа» и расширение железнодорожной сети близ китайской границы. Формально они преследуют во многом декларативную цель восстановления Великого шелкового пути как трансконтинентальной трассы между Европой и Азией. В действительности же, Казахстан видит в данных инициативах эффективные инструменты для решения таких прикладных задач, как реконструкция к 2015 г. 7 тыс. км республиканских автодорог, строительство 453 км железнодорожного полотна и рост объема транзитных перевозок на железнодорожном транспорте на 25 %³⁴. Для Китая, в свою очередь, важно сформировать коммуникации, обеспечивающие стабильный рост товарооборота СУАР КНР с Центральной Азией.

Трансконтинентальный коридор «Западный Китай — Западная Европа» будет охватывать территории трех стран (России, Казахстана и Китая). Его протяженность от Санкт-Петербурга до восточно-китайского порта Ляньюньган составит почти 8,5 тыс. км, из которых по территории Казахстана пройдет 2,8 тыс. км, а КНР — 3,46 тыс. В рамках проекта, сроки

Рис. 3. Автомобильный коридор «Западная Европа — Западный Китай»

³⁴ Государственная программа по форсированному индустриально-инновационному развитию Республики Казахстан на 2010-2014 гг. (ГПФИИР).

реализации которого намечены на 2007 — 2012 гг., Астана планирует реконструировать на своей территории порядка 2,5 тыс. км автомобильных дорог. Общие затраты республики оцениваются в 5,6 млрд. долл., из которых 3,5 млрд. приходится на долгосрочные кредиты международных финансовых институтов (МБРР, ЕБРР, АБР и др.), а 1,8 млрд. — на частные инвестиции³⁵. По заявлениям руководства Казахстана, реализация проекта сделает страну транзитным каналом для товаров, следующих из Китая в Европу, поскольку, по оценкам казахстанской стороны, время нахождения в пути при использовании автотрассы «Западная Европа — Западный Китай» составит всего 10 суток против 14 суток по «Транссибу» или 45 суток морским транспортом³⁶. Вместе с тем, нельзя забывать, что автомобильные перевозки, во-первых, значительно дороже морских и железнодорожных; во-вторых, общее время нахождения товара в пути должно учитывать также и сроки выполнения административных и физических процедур на границе, с чем у Казахстана есть известные проблемы; наконец, только незначительная часть скоропортящихся товаров, как правило, требует ускоренной доставки до потребителя.

Другими словами, при всей риторике о трансконтинентальном потенциале маршрута, его главная задача состоит в основном в развитии региональной торговли между Центральной Азией и Западным Китаем.

Важно подчеркнуть, тем не менее, что со вступлением в Таможенный союз Казахстан получает возможность побороться за товаропотоки, следующие через Россию. По оценкам специалистов, решающее значение в этой конкуренции будут иметь оптимизация тарифов, совершенствование сервиса, приграничной инфраструктуры и системы таможенного оформления³⁷. Параллельно с модернизацией Россией таможенных пунктов на границе с Китаем, казахстанская сторона предпринимает меры, направленные на расширение пропускной способности собственной железнодорожной сети, прилегающей к КНР. В планах Казахстана — увеличить мощность пока единственной пограничной станции Достык до 25 млн. т. к 2015 г., а также завершить в 2012 г. вторую 300-километровую железнодорожную линию («Алтыноль — Жетыген») в Китай, которая должна пройти через строящийся международный пограничный центр «Хоргос»³⁸.

³⁵ Новый путь в Европу — от мечты к реальности // Сайт проекта «Западный Китай — Западная Европа». <http://www.europe-china.kz/info/69> (21.10.2011).

³⁶ Программа по развитию транспортной инфраструктуры в Республике Казахстан на 2010-2014 годы. Утверждена постановлением Правительства Республики Казахстан от 30 сентября 2010 года № 1006.

³⁷ Цена Союза // Деловой журнал ChinaPro. 30.08.2010.

³⁸ Развитие транзитных перевозок // Сайт АО «НК «Аза стан темір жолы» (Казахстанские железные дороги) <http://www.railways.kz/node/90> (21.10.2011).

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА – ЗАПАДНЫЙ КИТАЙ

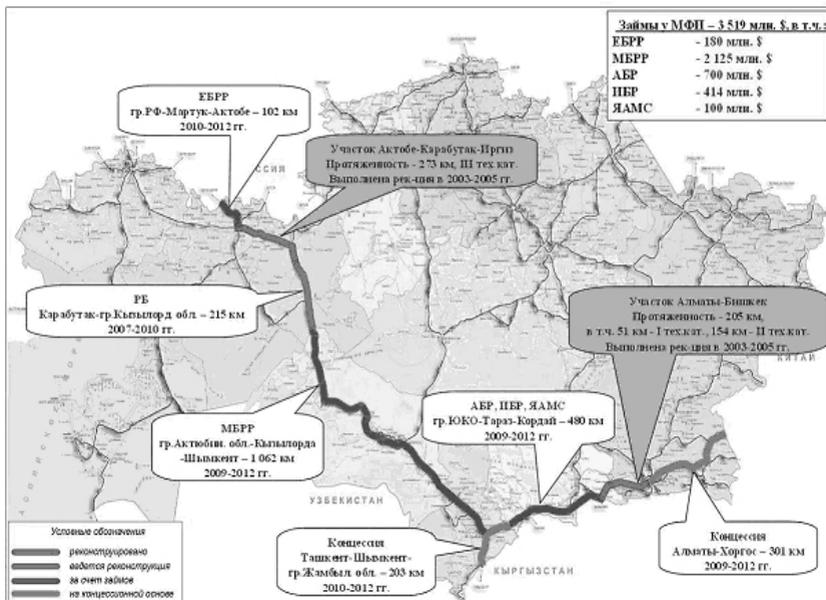

Рис. 4. Источники финансирования проекта «Западная Европа — Западный Китай»

К слову, пропускной пункт «Хоргос», где с китайской и казахстанской стороны продолжается сооружение транспортно-логистического узла и делового центра, станет, как рассчитывают в Астане, главными торговыми воротами между Центральной и Восточной Азией. По задумке руководства Казахстана и Китая, он должен быть дополнен также свободной экономической зоной. Последнее обстоятельство вызывает особую обеспокоенность многих российских и белорусских экспертов, поскольку грозит превращением «Хоргоса» в своего рода «черную дыру» Таможенного союза, куда из КНР под видом сырья смогут беспошлинно завозиться практически готовые товары китайского производства и, подвергаясь здесь минимальной доработке, также беспошлинно распространяться по общей таможенной территории уже в качестве казахстанской продукции.

За счет развития железнодорожной инфраструктуры с Китаем, Казахстан планирует к 2020 г. вдвое увеличить объем транзитных перевозок по своей территории, который в 2010 г. зафиксирован на

отметке 16,2 млн. т³⁹. Тем самым республика не только заявляет о своих претензиях на роль «транзитного хаба» ЦА, но также становится частью Трансазиатской железнодорожной магистрали (ТАЖМ), следующей от Желтого моря через Китай, Казахстан и Россию в Европу.

Вокруг указанного железнодорожного коридора в экспертных кругах сломано немало копий в связи с его возможной конкуренцией с российским Транссибом. Многие российские специалисты считают, что говорить о такой прямой конкуренции преждевременно. Транссиб ориентирован на перевозку грузов с Корейского полуострова, Северо-Восточного Китая и Японии, тогда как ТАЖМ — из южных и восточных районов Китая. Транссиб лучше оснащен технически, чем маршрут через Казахстан, на котором много устаревших и перегруженных участков. ТАЖМ длиннее Транссиба на 1,6 тыс. км и она обременена необходимостью пересекать дополнительное транзитное государство — Казахстан, на границе с которым китайские грузоотправители зачастую испытывают проблемы с таможенным оформлением и логистикой⁴⁰. Сказанное, тем не менее, не снимает с России задачи по модернизации Транссиба, БАМа и запуску Транскорейской магистрали.

В целом на фоне создания транскитайской железнодорожной системы для Пекина более востребованным может оказаться использование путей Казахстана для наращивания экспорта китайских товаров, произведенных в западных и центральных областях КНР, в Центральную Азию, а по мере углубления интеграционных процессов в рамках «таможенной тройки» также и в Россию.

Для Китая и России железнодорожная система Казахстана может представлять интерес и как часть потенциального транспортного коридора в Иран. Понимая это, Астана в 2011 г. ввела в строй 146-километровый участок железной дороги «Узень — госграница с Туркменистаном». Присоединение к проекту Туркмении исключит из транзитной цепочки Узбекистан и избавит от необходимости двойной перевалки российских грузов на Каспии при торговле с Ираном.

³⁹ См.: Можарова В. В. Транспорт в Казахстане: современная ситуация, проблемы и перспективы развития: монография. Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2011. 216 с.; Можарова В. В. Актуальные вопросы развития железнодорожного транспорта в Казахстане // Казахстан-Спектр. № 3 (57). 2011. С. 129-143.

⁴⁰ Транссиб и К // Прямые инвестиции. № 11 (103). 2010. С. 20-21.

Торговля

Бурное развитие инфраструктуры способствовало превращению Казахстана в главного торгового партнера Китая в регионе. Если исходить из данных китайской таможенной статистики, то в 2010 г. объем взаимной торговли составил между ними 20,4 млрд. долл. Согласно казахстанской статистике — 14,1 млрд. в 2010 г. и 21,3 млрд. в 2011 г.⁴¹ Его львиная доля приходится на Синьцзян. При этом названные цифры могут быть значительно выше за счет «серого» экспорта из КНР на территорию Казахстана и Таможенного союза, экспертные оценки которого разнятся, но исчисляются миллиардами долларов. В целом, Казахстан — второй торговый партнер КНР в СНГ после России. При этом не исключено, что Китай — уже первый партнер для самого Казахстана.

Руководством двух стран сформулирована задача удвоения общего товарооборота⁴². К 2015 г. он должен достигнуть 40 млрд. долл. Также стороны планируют более широкое использование в расчетах национальных валют, для чего летом 2011 г. между Национальным банком Казахстана и Народным банком Китая подписано соглашение о проведении своп-операций «юань-тенге». Тем самым Пекин выдерживает линию на расширение зоны юаня.

За счет строительства новых трубопроводов и экспорта нефти Астане удалось переломить существовавшую ранее неблагоприятную тенденцию, связанную с ростом отрицательного сальдо во внешней торговле с КНР, откуда широким потоком шли дешевые товары народного потребления. Однако, преодолев дисбаланс в торговле, Астана столкнулась с другой проблемой. В структуре казахстанских поставок в КНР очевидно преобладает сырье (нефть и металлы), тогда как из Китая в республику завозятся промышленные товары и оборудование. Такое положение вполне устраивает Пекин, но Казахстану угрожает превращением в сырьевой придаток и рынок сбыта для своего восточного соседа. Показательный пример: за 11 месяцев 2010 г. из 9 млрд. долл. казахстанского экспорта в Китай доля товаров с высокой добавленной стоимостью составила только 140 млн. долл.⁴³

⁴¹ Сотрудничество Республики Казахстан с Китайской Народной Республикой // Сайт МИД Казахстана. http://portal.mfa.kz/portal/page/portal/mfa/ru/content/policy/cooperation/asia_africa/14 (14.06.2011)

⁴² Нас утро встречает юанем // Эксперт-Казахстан. №24 (315) от 20 июня 2011 г.

⁴³ Заместитель Премьер-Министра — глава МИНТ РК Асет Исекешев принял участие на заседании Совета экспортеров. Казахстан намерен расширять экспорт в Китай — один из наиболее привлекательных рынков для сбыта отечественной несельскохозяйственной продукции // Сайт правительства Республики Казахстан. <http://ru.government.kz/site/news/2011/01/120> (07.10.2011).

В качестве ответной меры Казахстан в последнее время стал все более активно лоббировать проекты в нефтепереработке, химии, энергогенерации, инициировал подписание серии документов о сотрудничестве с Китаем в несырьевых отраслях экономики, а также о создании в Пекине по опыту Италии, Южной Кореи и некоторых других стран постоянного представительства своего Национального агентства по экспорту и инвестициям «Kazneph invest», которое должно продвигать казахстанские несырьевые товары в Юго-Восточной Азии. Но главной контрмерой Астаны все-таки стало принципиально важное решение о вступлении в Таможенный союз России, Казахстана и Белоруссии.

Представляется, что именно стремление обезопасить себя от рисков, сопряженных с китайской торговой экспансией, стало одним из наиболее весомых аргументов, подтолкнувших руководство республики к экономической интеграции с Россией, во многом схожей с Казахстаном по структуре, качеству и конкурентоспособности экономики. После вступления в силу с 1 января 2010 г. на территории стран ТС Единого таможенного тарифа средний уровень действующих в Казахстане импортных таможенных пошлин вырос с 5,8 до 10,6 %⁴⁴. Был отменен питавший челночную торговлю упрощенный порядок провоза товаров физическими лицами через казахстано-китайскую границу. Невостребованными оказались и альтернативные предложения Пекина, который в августе 2005 г. первым в мире завершил двусторонние переговоры о вступлении Казахстана в ВТО, а с 2002 г. лоббировал идею создания зоны свободной торговли в рамках ШОС.

К слову, китайское правительство активно использует ШОС как площадку для презентации собственных кредитных программ и инфраструктурных проектов, предлагает создать здесь Банк развития ШОС как альтернативу российским интеграционным инициативам и Евразийскому банку развития.

Теперь перед «таможенной тройкой» стоит задача предотвратить рост нелегального экспорта китайских товаров через Казахстан, что заставляет внимательно изучать проект «торгового города» Хоргос, предложения по увеличению пропускных пунктов на границе Казахстана с превратившейся в ключевого реэкспортера китайского ширпотреба в СНГ Киргизией и другие подобные инициативы, а также совершенствовать техническую оснащенность и контрольные процедуры на внешней таможенной границе.

⁴⁴ Информация по торговой политике Республики Казахстан // Министерство экономического развития и торговли Республики Казахстан. <http://www.minplan.kz/economyabout/8440/32717/> (07.10.2011).

Прогнозы

Доступные стратегические документы Китая и сама логика развития международных отношений подсказывают, что Пекин будет стремиться наращивать свое присутствие в Казахстане и в ЦА в целом. На это указывают и объявленные планы по увеличению взаимного товарооборота, пропускной способности трансграничной инфраструктуры и китайских кредитных линий.

Сегодня очевидно, Китаю на этом пути не избежать обострения конкуренции в экономике и энергетике с Россией. Можно предположить, в частности, что в противоречие с экономическими интересами Пекина будут входить попытки договориться о международной торговой кооперации Москвы и стран ЦА, особенно в части поставок сырья в КНР. Ситуация, когда поставщики (Россия и ЦА) выступают конкурентами, наиболее выгодна китайскому потребителю. В этом смысле для Пекина создание зернового пула России и Казахстана или интеграция «Росатома» и «Казатомпрома» означает усиление общих переговорных позиций этих стран при определении цены на ресурсы. Россия уже столкнулась с неблагоприятными последствиями торгово-сырьевой конкуренции с ЦА, когда в результате появления здесь китайских трубопроводов были ослаблены позиции Москвы на непростых переговорах об условиях поставок в КНР российских нефти и газа по дальневосточным маршрутам.

При этом у Москвы и Пекина сохраняются общие совпадающие интересы в части обеспечения безопасности и ограничения влияния США на региональные процессы. Таким образом, между двумя центрами возникает расхождение по линии «экономика — безопасность», вокруг разрешения которого в выгодном для себя ключе, вероятно, и должна строиться стратегия России в ЦА.

Безусловно, России необходимо углублять сотрудничество с Пекином в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и торговлей наркотиками. Выступать единым фронтом против попыток внерегиональных сил дестабилизировать ситуацию в регионе или нарастить здесь свое присутствие в ущерб интересам России и Китая. Немаловажно также использовать объективно возникающие по мере движения КНР в ЦА противоречия между Пекином и Западом (например, по вопросу поставок углеводородов в ЕС). Одновременно важно добиться реализации эффективного экономического интеграционного проекта с участием России и создания Евразийского экономического союза.

Наконец, недопустимо абсолютизировать Китай. Несмотря на значительные достижения Пекина в ЦА, сохраняется большое количество нерешенных проблем, омрачающих отношения со странами региона и способных негативно отразиться на их динамике. Одна из наиболее острых — хозяйственная деятельность Китая на трансграничных реках (в частности, на Черном Иртыше). Но главное — это колоссальные внутренние вызовы, перед которыми стоит сам Китай, в т.ч. неблагоприятные демографические тренды, социальное расслоение, загрязнение окружающей среды, необходимость политических реформ, размывание базовых ценностей и др. Найдет ли Китай выход из внутренних «ловушек»? В чем будет состоять решение? И каким образом оно отразится на странах ЦА? Эти вопросы остаются открытыми.

«Евразийский союз» как новый интеграционный проект: вклад и значение Казахстана

Сергей Бирюков

Евразийский Союз (ЕАС) — проект союза независимых постсоветских государств с единым политическим, экономическим, военным, таможенным, гуманитарным, культурным пространством, предполагаемого к созданию некоторыми странами-членами СНГ на базе соответствующих интеграционных структур СНГ — ЕврАзЭС, ЕЭП, ОДКБ и Таможенного союза. Предполагается, что союз будет строиться по модели мощного наднационального объединения, способного стать самодостаточным рынком (население которого должно составлять не менее 200—250 миллионов человек) и в перспективе — одним из геополитических «полюсов» современного мира, играющим при этом роль эффективной «связки» между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом.

Проект создания Евразийского союза на сегодняшний день является наиболее масштабным постсоветским геоэкономическим и геополитическим проектом, нацеленным на консолидацию сохраняющегося социально-экономического, научно-технологического и культурно-образовательного потенциала новых независимых государств. Одновременно с этим, проект нового союза, по замыслу его инициаторов и идеологов, призван дать адекватный ответ на современные глобальные вызовы и угрозы, преодолеть инерцию процессов демодернизации на постсоветском пространстве. Одним из ключевых авторов идеи создания Евразийского союза по праву считается Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев, выдвинувший идею «евразийской интеграции» еще в 1994 году и ставший активным участником практически всех интеграционных инициатив в рамках постсоветского пространства¹. Вместе с премьер-министром России В. Путиным² и Президентом Белоруссии А. Лукашенко президент Казахстана Н. Назарбаев является активным участникам обсуждений, в качестве равноправного партнера определяя базовые принципы устройства и функционирования формирующегося объединения. Последнее представляется вполне естественным

¹ Солозобов Ю. М. Нурсултан Назарбаев — объединитель Евразии // Казахстанская правда. — 2011 г.

² Путин В. В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Известия. — 2011. — 3 октября.

и закономерным. Напомним, что заявленный президентом Казахстана еще в 1994 году проект предполагал объединение всех бывших республик СССР в единое экономическое пространство при сохранении ими своего политического суверенитета вызвал мощный резонанс в сознании политических элит и народов стран СНГ.

Следует признать, что создание ЕАС органично вписывается в общую логику современных глобальных трансформаций — состоявшийся на наших глазах распад биполярного мира, несбывшиеся надежды на монополярность (в виде «униполя» или иной сходной по содержанию и смыслу модели), происходящее становление «многополярного мира», опирающееся на логику структурирования макрорегиональных «больших пространств». Становится очевидным, что политика одностороннего «силового» перераспределения влияния в мире, по признанию одного из ключевых американских внешнеполитических стратегов З. Бжезинского, потерпела неудачу³. Возникла парадоксальная, на первый взгляд, ситуация «безвластия всевластных»⁴, и требуются качественно новые подходы к формированию международной политики, нацеленные на укрепление начал интеграции, а не на создание новых «конфликтных линий».

Как полагают поддерживающие новый проект эксперты, создание Евразийского Союза означает новое качество постсоветской интеграции, которая из бессодержательных деклараций превращается понятный, привлекательный для граждан и бизнеса, устойчивый и долгосрочный проект, не зависящий от перепадов текущей политической и любой иной конъюнктуры.

Ключевой элемент экономической структуры Евразийского союза — единое экономическое пространство (ЕЭП), которое, по замыслу, первоначально будет базироваться на согласованных действиях в ключевых институциональных областях — в макроэкономике, в обеспечении правил конкуренции, в сфере технических регламентов и сельскохозяйственных субсидий, транспорта, тарифов естественных монополий. И на следующей стадии — на единой визовой и миграционной политике, что позволит снять пограничный контроль на внутренних границах.

Таким образом, строительство Таможенного союза и Единого экономического пространства закладывает основу для формирования в перспективе Евразийского экономического союза. Одновременно будет идти и постепенное расширение круга участников Таможенного

³ Brzezinski Z. American debacle // Los Angeles Times, 10. October 2005.

⁴ Ross J. Die Ohnmacht des Mächtigen // Die Zeit, N 43, 15. Oktober 2009.

союза и ЕЭП за счет полноценного подключения к работе Киргизии и Таджикистана, с перспективой подключения к проекту Украины и Молдовы, которые также являются членами-наблюдателями ЕвразЭСа и участниками договора о зоне свободной торговли в СНГ.

В качестве политического прогноза **идеологами нового объединения постулируется**, что создание Евразийского союза позволит постсоветским государствам войти в число лидеров глобального роста и цивилизационного прогресса, добиться успеха и процветания. Сложение природных ресурсов, капиталов, развитого человеческого потенциала позволит Евразийскому союзу быть конкурентоспособным в индустриальной и технологической гонке, в соревновании за инвесторов, за создание новых рабочих мест и передовых производств. И наряду с другими ключевыми игроками и региональными структурами — такими как ЕС, США, Китай, АТЭС — обеспечивать устойчивость и «равновесность» глобального развития.

В то же время, наряду с экономическим и политическим, в формировании Евразийского Союза, наряду с экономической, присутствует и ярко выраженная культурно-цивилизационная составляющая. Последняя выступает в роли своеобразного «идейного стержня» интеграционного проекта, означая на практике качественно новое прочтение содержания и смысла евразийского учения применительно к реалиям многополярного мира⁵.

Таким образом, формирующемуся на наших глазах «глобальному миру» очевидно требуются новое качество и новые модели «глобального управления», которые бы отвечали актуальным вызовам и могли бы обеспечить гибкое и эффективное сочетание национально-государственных, макрорегиональных и глобальных интересов, тот самый баланс «глобального» и «локального», о необходимости которой говорит автор концепции «глокализации»⁶.

Значимым побуждающим к новым «интеграционным моделям» фактором является глобальный экономический кризис, показавший ограниченность возможностей традиционных моделей политики и политических стратегий, игнорирующих объективные тенденции к усилению сотрудничества государств. Как отметил в одном из своих интервью известный немецкий журналист и публицист П. Шолль-Латур, ситуация исчерпания «монополии» традиционно доминировавших в мире индустриальных и военных «игроков» действительно требует новых внешнеполитических стратегий⁷.

⁵ Дугин А. Евразийский союз — ключевой полюс в многополярном мире // <http://www.evrazia.org/article/1828>

⁶ Robertson R. Globalisation: Social Theory and Global Culture. — I.: Sage, 1992. — P. 27.

⁷ Interview mit P. Scholl-Latour // Neues Deutschland, 30. Oktober 2009.

Свою роль в осознании необходимости новых подходов к интеграции сыграл и «концептуальный» кризис СНГ, так и не определившегося со своей стратегической миссией. Такой миссией по определению не могли быть простой механический «развод» постсоветских государств либо их «аморфное» и бесцельное сосуществование, но именно сохранение того конструктивного потенциала единства, который продолжал и продолжает связывать страны и народы.

Наконец, неоднозначный опыт Европейского Союза, добившихся политических и экономических успехов, но так и не определившихся до конца с ценностными основаниями интеграции (подтверждением чему — ведущиеся там дискуссии об идентичности и о «судьбах мультикультурализма»), также побуждает к глубоким размышлениям.

Стратегическое значение Республики Казахстан в рамках нового формирующегося объединения предопределено целым рядом объективных обстоятельств. Казахстан — естественное «ядро» процесса евразийской интеграции. Страна органично соединяет в себе «сегменты» мусульманской и христианской цивилизаций, тюркской и славянской культур, значимые элементы политического и идеологического многообразия, что позволяет ей сформировать уникальный опыт межкультурного, межконфессионального и межэтнического взаимодействия, естественным образом используя его в рамках интеграционных процессов.

Следуя стратегическим установлениям своего национального лидера, страна определилась со своей национальной идеей и стратегической миссией — динамичное и стабильное развитие в условиях взаимосвязанного и многополярного мира.

Казахстан имеет собственную модель межнационального согласия и опыт культурно-цивилизационного диалога, в создании которой ключевую роль сыграл президент Н. Назарбаев. Эта самобытная модель признана и высоко оценена ведущими международными организациями, включая ООН и ОБСЕ.

Реализуя замысел Первого Президента страны, Казахстан создал и развил модель «евразийской демократии», опираясь на свой уникальный политический опыт, связанный с построением правового и демократического государства, институтов рыночной экономики в непростых условиях трансформационных процессов 1990-2000-х годов.

Благодаря усилиям своего лидера и творческой активности всего многонационального народа, Казахстан состоялся одновременно как национальное государство, создав консолидированную нацию и единое политическое пространство. Это позволило молодому государству

избегать «культурно-цивилизационных» и этноконфессиональных «разломов», осложнивших политическое развитие и становление многих стран Центральноазиатского региона. Это позволило Казахстану стать примером и гарантом стабильного развития для сопредельных центральноазиатских государств.

Казахстан является автором ряда стратегических международных инициатив, сформулированных и обнародованных Н. Назарбаевым на самых представительных международных форумах — и в том числе инициативы о ядерном разоружении.

Реализуя многовекторную внешнюю политику, приоритеты которой определены лидером нации, Казахстан последовательно развивает диалог с влиятельными международными организациями, представителями различных культурно-цивилизационных сообществ, что неизменно увеличивает его внешнеполитический вес.

Помимо этого, Казахстан — автор оригинальной и успешной модели реформирования экономики, которая является ключевым элементом политического курса президента Н. Назарбаева. Это позволило стране занять достойное место среди наиболее динамично развивающихся стран мира, что приобретает особое значение в увязке с проводимым руководством страны курсом на укрепление политической стабильности.

И не случайно, что именно сегодня в тесном взаимодействии со своими российским и белорусским коллегами — премьер-министром В. Путиным и президентом А. Лукашенко — президент Казахстана Н. Назарбаев сформулировал собственное видение целей, задач и перспектив будущего объединения⁸. Напомним, что уже в середине 1990-х годов Н. Назарбаев полагал необходимым создать евразийский союз государств по образцу Евросоюза, где бы существовал консенсусный метод принятия решений. Еще одной идейной «новацией» стало адресованное лидерам других постсоветских государств предложение лидера Казахстана создать Евразийский экономический союз. Таким образом, благодаря его значимому вкладу обрела новую жизнь идея качественно нового «евразийского объединения», не имевшего аналогов в предшествующей истории.

В образе Евразийского союза, представленном лидером Казахстана сегодня отсутствуют любые проявления «политического ностальгизма», и изначально заявляется прагматичный подход, отрицающий любые формы насилия политики над экономикой, какими бы благими намерениями или целесообразностями это не прикрывалось.

Признавая значимость аспектов безопасности, президент Казахстана усматривает в евразийском проекте возможность коллективно закрыться

⁸ Назарбаев Н. А. Евразийский Союз: от идеи к истории будущего. Известия. — 2011. — 25 октября.

от внешних экономических, военных, политических, информационных, технологических, экологических и других угроз — по его мнению, ЕАС не должен стать какой-либо формой «железного занавеса».

В контексте протекающих сегодня глобальных процессов принципиально важно, что Евразийский Союз мыслится Н. Назарбаевым как открытый проект, в контексте широкого взаимодействия с Евросоюзом и другими значимыми объединениями.

Н. Назарбаев принципиально подчеркивает, что Евразийский Союз не будет представлять собой «реставрации» или «реинкарнации» СССР или возрождения некоей «имперской модели», что полностью совпадает с позицией руководства России, Беларуси и других стран полностью совпадают.

По мнению главы Казахстана, ЕАС не будет ни в коей мере направлен против т.н. «китайской экономической экспансии», поскольку стратегическое партнерство с Китаем определяется в числе приоритетов внешней политики Казахстана и его партнеров по новому формирующемуся объединению — России и Беларуси. Последнее предполагает интенсивный политический диалог и тесное экономическое сотрудничество, а также взаимодействие в рамках ШОС и СВМДА.

Лидер Казахстана настаивает на обязательности признания ответственности каждой страны-участницы за устойчивость внутреннего развития, результативность национальной, экономической, кредитно-финансовой и социальной политики — полагая это залогом стабильности ЕАС в целом. Опыт Евросоюза, столкнувшегося сегодня с проблемами финансовой дисциплины, ставит вопрос о необходимости нахождения устойчивого баланса между коллективной и индивидуальной ответственностью членов современных союзных объединений.

Н. Назарбаев неразрывно связывает «содержательное наполнение» евразийского проекта с последовательным формированием единого экономического пространства Казахстана, Беларуси и России как необходимой основой будущего объединения. Характерен эволюционный, взвешенный и прагматический подход казахстанского лидера к интеграционному процессу, целью которого является создание механизмов согласования экономической политики трех стран и обеспечения трансграничного свободного движения услуг, капиталов и трудовых ресурсов, а также унификация национальных законодательств.

Именно ЕЭП, по мысли президента Казахстана, должен стать прочной основой для перехода к более высокой ступени интеграции —

Евразийскому экономическому союзу, что предполагает создание мощного геэкономического объединения с впечатляющими перспективами роста его совокупного потенциала.

Не менее значимо, что лидер Казахстана стремится мыслить формируемый ЕАС как успешный центр глобальной силы вне четко прослеживающихся трендов глобального развития, которые предполагают политическую самоорганизацию в виде региональных союзов, формирующихся в разных регионах мира. Здесь прослеживается опора на опыт суверенного развития экономик России, Казахстана и других участников евразийской интеграции, которые стали частью глобальной экономики.

По заключению Н. Назарбаева, одним из ключевых условий развития инновационного потенциала ЕАС является активное наращивание инвестиционного и технологического сотрудничества с США, Евросоюзом, Китаем, странами Азиатско-Тихоокеанского экономического сообщества.

Национальный лидер Казахстана особенно подчеркивает неразрывную связь между созданием ЕАС и конструированием новой глобальной системы безопасности. В принятой в декабре 2010 года по предложению Н. Назарбаева Астанинской декларации саммита ОБСЕ впервые была обозначена цель создать единое и неделимое пространство евроатлантической и евразийской безопасности, что принципиально невозможно без опоры на систему устоявшихся региональных союзов.

С точки зрения президента Казахстана, в случае последовательного «внутреннего обустройства» и грамотного внешнеполитического позиционирования Евразийский Союз имеет все шансы стать органичной частью новой мировой архитектуры, призванной стать ответом на вызов глобального экономического кризиса. Поэтому создаваться новый союз должен именно как конкурентоспособное глобальное экономическое объединение с эффективными внутренними механизмами, но не как новая «бюрократическая надстройка».

Как следствие, всем участникам евразийской интеграции призваны выработать ясную и четкую стратегию действий, имеющую своей конечной целью создание инновационной экономики. Это позволит им выйти из статуса «периферийных экспортеров сырья» и занять более достойное место в мировом «разделении труда». И поскольку на путях «догоняющей модернизации» эту задачу принципиально невозможно, большое значение приобретают национальные стратегии «технологической революции», выдвигаемые странами-участницами формирующегося евразийского объединения. В этой связи особого внимания заслуживает реализуемая Казахстаном

стратегия форсированного индустриально-инновационного развития, призванная обеспечить национальный «технологический прорыв». «Генератором» подобного прорыва в «евразийском масштабе», по мнению президента Назарбаева, и призван стать формируемый сегодня ЕАС, позволяющий задать общий алгоритм модернизации и инновационного развития участвующих стран. Как представляется, предложенная Н. Назарбаевым Программа евразийской инновационно-технологической кооперации, рассчитанная на перспективу 10–15 лет, будет эффективно способствовать решению этой задачи.

Рассмотрение Н. Назарбаевым Евразийского Союза как стратегически значимого звена, сцепляющего евроатлантический и азиатский ареалы развития, позволит объединению выполнить функцию «геополитического балансира» в изменчивом и нестабильном глобальном мире. Заявленное им намерение наделить ЕАС ролью своеобразного «моста», соединяющего динамичные экономики Евросоюза, Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии, выглядит вполне обоснованным на фоне объективной потребности ключевых геоэкономических игроков в более глубокой интеграции друг с другом в условиях глобального экономического кризиса.

В конечном итоге, по мнению президента Казахстана, исходя из этой логики, Евразийский союз должен формироваться как самостоятельное региональное финансовое объединение, которое будет частью новой глобальной валютно-финансовой системы, и призвано на своем уровне способствовать смягчению эффектов глобального кризиса. Поэтому создание общей платежной системы на основе наднациональной расчетной единицы, а затем и единой валюты для стран-участниц могут рассматриваться как вполне закономерные результаты интеграции в этой области. Валютный союз в рамках ЕЭП, как справедливо полагает Н. Назарбаев, мог бы содействовать развитию интеграционных процессов в направлении модели, близкой к современному состоянию Европейского Союза, подтвердив общую жизнеспособность формирующегося объединения.

В этой связи немалым конструктивным потенциалом обладают и предложения казахстанского лидера о создании ряда общих институтов Евразийского Союза — в частности, Евразийской ассамблеи, объединяющей парламентариев наших стран, Евразийского конгресса промышленников и предпринимателей, а также Евразийской торгово-промышленной палаты. Также предложенное им размещение руководящих органов ЕАС, как представляется, стало бы справедливой данью признательности Казахстану как инициатору идеи евразийской интеграции. Не меньшее значение для интеграционного процесса, как

справедливо полагает Н. Назарбаев, могло бы иметь расширение числа евразийских общественных объединений, что заметно расширило бы социальную базу поддержки проекта.

Таким образом, Н. Назарбаев заявляет принципиальное видение Евразийского Союза как обладающего колоссальным внутренним потенциалом и содержательной динамикой мегапроекта, способного дать «комплексный ответ» на вызовы настоящего и будущего. Принципиальная опора этого интеграционного проекта на принцип добровольности, прагматический и эволюционный подходы, равно как и предполагаемая интеграция потенциала всех существующих евразийских объединений, призваны обеспечить его конкурентноспособность и общий успех.

Реализация заявленных президентом Казахстана стратегических подходов и инициатив, на взгляд автора, позволила бы Евразийскому Союзу добиться полноценной внутренней интеграции и более полно реализовать свой внешнеполитический потенциал, постепенно превращаясь в одного из ключевых факторов обеспечения стабильности мировой политической и экономической систем. Поэтому именно сегодня необходимо их самое активное обсуждение в политических, научных и экспертных кругах — с последующим закреплением в виде политических решений, с которыми будет неразрывно связана общая судьба народов Евразии.

Роль Казахстана в культурно-исторической и цивилизационной парадигме Евразийского экономического союза

Валихан Тулешов

В мире происходят глобальные изменения, когда трансформируются сами основы миробытия, его главные параметры изменяют свои качества на противоположные. Это, например, как земные полюса, меняющиеся местами (северный становится южным, южный — северным). Запад проникает на Восток, Восток — на Запад.

Обычные дихотомии, дуализмы не актуальны. Преобладают смешанные модели. Демократия и авторитаризм, либерализм и традиционализм становятся размытыми, неконтрастными феноменами, так сказать, отживающими смыслами.

Привычные дуализмы «базис — надстройка», «государство — нация», точно также как и дуализмы «запад — восток», «демократия — авторитаризм», «капитализм — социализм» и т. д., неразрешимы, если их не переосмысливать по новому или по давно забытому старому. В Европе по пути переосмысления, как вы знаете, наиболее далеко ушли французские постмодернисты Жак Деррида и особенно Жиль Делез со своей номадической философией.

Современные государства под давлением глобализации вынуждены активно менять формы своей культурной идентичности, стараясь по мере возможностей сохранить главное этническое содержание. Самые передовые из них эффективно решают проблемы кризисов западного рационализма и восточного универсализма, гармонизируя эти две формы философской рефлексии в существе жизни своих этносов. А значит, в этих государствах есть то, что позволяет им быть, являться универсальными.

Как правило, это восточные, азиатские государства, мировоззренческие системы этносов которых изначально были и остаются универсалистскими. Эти универсалистские мировоззренческие системы (тенгрианство, даосизм и т.д.), их метафизика, позволяют народам этих стран более гармонично и синергетично использовать как современные либерально-демократические, так и традиционно культурные основания жизни. Эти восточные универсалистские системы до сих пор снимают то отчуждение между людьми, которое возникает при капитализме, посредством глубоко этического, культурно-нравственного понимания жизни, ее социальной иерархии, основанной на кодексах поведения, которое было укоренено с давних

времен. В жизни этих народов господствуют кодексы, поскольку в этих мировоззренческих системах господствует этика. В этой связи в современном мире феномен «восточного универсализма» противостоит «западному рационализму» как более универсальное понимание жизни, нежели чем демократия и либерализм, являющиеся основой западного понимания жизни. Но посредством разработанного нами концепта универсального государства, вмещающего западные и восточные смыслы жизни, появляется возможность более полного и конкретного осознания субстанциональных свойств жизни и более полного субъектного отношения к окружающей человека реальности.

Рассматривая Казахстан со стороны, видно, что страна на современном этапе своего развития ломает устаревшие стереотипы миропонимания, сложившиеся в начавшуюся с эрой капитализма эпоху глобализации. Сама же глобализация, выступая формой проникновения капитала в самые отдаленные уголки планеты, основанного на универсализации частнособственнического и либерально-демократического устройства общественной жизни, тем не менее, в последнее десятилетие демонстрирует заметное падение темпов и сокращение способов своего распространения. Уменьшение глобального массивированного влияния западных институтов и инструментов экономического и политического развития, однако, не связано с необходимостью простого отрицания либеральных рыночных и демократических оснований общественного прогресса, которые имеют еще большой потенциал применения в сфере общественного бытия. Но, как показала практика, мировой опыт антикризисных мероприятий, эти либеральные рыночные и демократические основания общественного развития недостаточны. Они должны быть инкорпорированы в более универсальные основания и поставлены под контроль самих народов и обществ, использующих эти рыночные и демократические устройства и механизмы для собственного социально-экономического и политического развития.

Если вспомнить, когда на смену тотальному единомыслию советской эпохи пришли попытки насаждения основных положений западного неолиберализма, то это повергло в шок не одно развивающееся государство. Началась, как казалось многим, «эра неолиберализма», наступил, судя по риторике американских неоконсерваторов, «конец истории», провозглашавший ценности либеральной демократии и рыночной экономики универсальными для всего мира. И это внесло определенное замешательство и в ряды тех, кто до этого времени использовал традиционные, конкретно-исторические формы государственного правления и устройства.

Вульгарное, технократическое внедрение западных политических, экономических и социальных технологий и практик в существо сложившейся общественно-политической и социально-экономической практики привело практически все страны СНГ к социальному и экономическому коллапсу.

В Казахстане же, сохранившем преемственность власти, как преемственность этических кодексов, общественно-политическую стабильность, как этнокультурную стабильность, основанную на генеалогической, родовой природе казахского этноса, очень быстро удалось восстановить общественный, мировоззренческий смысл казахской культуры, культурно-исторические параметры стандартов взаимоотношения власти и общества, принципы национальной консолидации и привести их в соответствие с новыми технологиями управления.

Во-первых, хотя в Казахстане полным ходом идет процесс политической модернизации, демократизации (если выражаться «западным» языком), имеется четкий и совершенствующийся далее (если учесть участие в этом процессе БДИПЧ ОБСЕ, Венецианской комиссии и наблюдателей ШОС) выборный механизм передачи власти, но о демократии мы говорим достаточно осторожно, при этом имея в виду ее недостаточную укорененность в культуре общества и, естественно, не ограничивая формально двумя сроками президентства Лидера Нации Нурсултана Назарбаева. Такой отработанный механизм легитимной смены власти, основанный на выборном законодательстве, явился серьезным аргументом в споре против западных сторонников демократии и прав человека. Уровень, механизмы и способы принятия решения и общественного контроля в Казахстане оказались, при этом, такими высокими, что даже на Западе признали наличие устойчивой модели демократии и позволили стране успешно председательствовать в ОБСЕ. Частное сравнение Казахстана, например, с такими «демократическими» страной как Кыргызстан, Монголия и Индия, вообще показало несостоятельность западных представлений об общественном прогрессе, основанном лишь на либерально-демократических и рыночных основаниях.

Во-вторых, в Казахстане полным ходом идет модернизация и либерализация экономики, но против контроля государства над основными макроэкономическими параметрами и региональным развитием никто не возражает. Казахстан стал использовать и встроил западные принципы менеджмента в свои исторические сложившиеся способы управления, адаптировался к условиям глобальной конкуренции на свободном рынке и, при этом, сохранил особенности политической системы, используя исторические достижения своей многотысячелетней

тюркской цивилизации. Выступая на V Астанинском экономическом форуме Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев отметил: «Два десятилетия назад Казахстан оказался осколком развалившейся сверхдержавы. Мы с чистого листа создали новое государство и новую экономику. Нашим стартом была полностью разваленная экономика с гиперинфляцией в 2100 процентов. Благодаря реформам и усилиям всего общества Казахстан достиг впечатляющих успехов. За короткий исторический срок ВВП на одного жителя страны вырос от 700 долларов до 12 тысяч долларов. Это рост в 16 раз! Ни одна из стран «Юго-Восточных тигров» не достигала таких результатов за 20 лет»¹.

Опыт Казахстана убедительно продемонстрировал способность казахской нации использовать не только современные западные тренды и технологии, встраивать их в существо экономической и социальной жизни, но и, сохраняя собственную идентичность, развивая собственную культуру, использовать эти тренды и технологии, приспособлять их под психологию и менталитет собственного народа, культурно «переваривать» их для нужд собственного развития. Суть казахстанского пути — в тщательном учете конкретно-исторических условий развития общества, его национальных, религиозных, культурных особенностей, в сочетании экономического прогресса с традиционными моральными и культурными ценностями, в приоритете старого доброго здравого смысла над умозрительными теориями. Примат патриотизма, прагматизма и творческой практики над идеологическими концепциями доказал состоятельность такой глубоко научной философской методологии.

Это и есть, выражаясь по-западному, «демократия со страновой спецификой», хотя термин демократия в данном случае устарел и совершенно не отражает действительного содержания и течения общественной жизни восточных стран и, в частности, Казахстана. Определяя жизнь только лишь через демократию, люди лишаются большего — понимания жизни в её нравственно-этической полноте и гуманитарной целостности. Именно в этом заключается суть восточного универсального подхода, взгляда на жизнь, который, безусловно, укоренен в Казахстане и может быть существенно распространен дальше, на Запад.

Опыт Казахстана — в его моделях культуры, толерантности и сотрудничества, философских моделях универсальности понимания жизни. Съезды мировых религий, межконфессиональное и межнациональное согласие в стране, внутривластная стабильность и безопасность являются тому важным подтверждением. Подобное

¹ Выступление Нурсултана Назарбаева на V Астанинском экономическом форуме. — mir24.tv/news/politics/4975129

метафизическое понимание совместного бытия многое поясняет: модернизация, как и интеграция, есть всего лишь некая, возможно важная, но все же часть собственного существования, демократизация и демократия также часть более полного (безопасного), гармоничного и универсального понимания жизни, а рационализм — важная, но все же часть универсализма. Поэтому, для Казахстана важно то, чтобы симбиоз, синтез разных оснований становился синергией достойной жизни казахстанцев, был символом единства противоположностей, а не их разрушительной борьбы.

Таким образом, Казахстан по-своему доказывает, что ценности англо-саксонской цивилизации, ставшей колыбелью неоллиберализма и распространителем его идей на протяжении последних двух-трех столетий, не являются ни самыми древними, ни, тем более, универсальными.

Точно также, либерально-имперские, неоколониальные мессианские ценности, буржуазно-космополитические и пролетарско-интернационалистские идеологические стандарты, которые пытаются механически привнести в проект создания Евразийского экономического союза наши партнеры, не могут быть адекватными в современных условиях. То информационное давление, проинтеграционная мажорная PR-риторика, видимость общенационального консенсуса, одобрения и иллюзия полной общественной поддержки, вкупе с искусственной неприкрытой торопливостью, которая проявляются при этом безотносительно к собственным внутренним проблемам и которая инициируются исключительно правящими политическими элитами, свидетельствует о том, что наши партнеры не всегда хотят понять и принять эволюционного и общественного характера современной интеграции, о котором говорит Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев в своей статье «Евразийский Союз: от идеи к истории будущего».

Ущербность политики искусственно ускоренного создания Евразийского экономического союза, скоропостижно, в преддверии президентских выборов в России, инициированной В.Путиным, основывается на «новоимперском», по большей части, информационно-экспансионистском и технократическом внедрении интеграционной идеи. Она не предполагает подлинной открытости и постепенного укоренения в общественном сознании народов подлинных смыслов и целей интеграции, устранении фобий и фантомов, домыслов и спекуляций, а нацелена на геополитические и политические перспективы сохранения и увеличения своего влияния на постсоветском пространстве. Потому в Казахстане, по мнению Аскара Нурши и

многих казахских политологов, преобладает число противников такой интеграции — «казахское большинство, представляющее собой также электоральное большинство»².

То, с каким рвением наши российские и белорусские коллеги предлагали трансформировать ЕврАзЭС в Евразийский союз, пытаются создать «сверху» так называемые «евразийские партии», предлагают подумать о введении единой валюты, а сейчас предпринимают шаги по преобразованию Межпарламентской Ассамблеи ЕврАзЭС в Евразийскую Межпарламентскую Ассамблею, а затем — в полноценный Евразийский парламент, доказывает предвзятость их подхода к решению данного вопроса. Лукашенко даже выразил неудовольствие тем, что Казахстан не пошел по пути этого популистского шага.

Между тем, члены Таможенного союза подписали всего 17 нормативно-правовых соглашений, реализация которых растянута до 2015 года, в то время как надо подписать еще как минимум 52 документа, чтобы он заработал в реальной жизни. Помимо этого, из 47 принятых регламентов ни один до сих пор не работает, создавая дополнительные проблемы продавцам и создавая удорожание продукции. Существуют также между нашими странами глобальные разночтения в трансфертном законодательстве стран-участниц ТС, которое необходимо устранять. И это должно быть предметом переговоров между странами, поскольку никакой межгосударственный орган, тем более Межпарламентская Ассамблея ЕврАзЭС, решить эту проблему не сможет, пока на национальном уровне каждой из участниц ТС не возникнет консенсуса в данном вопросе. Телега не должна бежать впереди лошади. В противном случае ни Таможенный союз, который сегодня разоряет малый и средний бизнес, ни Единое экономическое пространство, которое существует лишь на бумаге, ни Евразийский экономический союз попросту не состоятся.

Еще один немаловажный факт, связанный с увековечиванием памяти жертв голодомора в Казахстане в 1932-1933 гг. В данной теме — теме казахского голодомора, когда более 50% казахов погибли или были вынуждены откочевать за пределы исторической родины из-за жестокой политики советского режима, осуществлявшего, на самом деле русский большевистский модернизационный проект, российские политологи усмотрели негативные последствия для евразийской интеграции. Это говорит о том, что стремление понять казахами собственную историю может трактоваться ими негативно, не как условие честного исторического диалога между нашими странами в будущем, а как целенаправленное избегание его. Если наши партнеры сейчас видят

² Советы Владимиру Путину из дружественного Казахстана. — <http://www.ceasia.ru/forum/soveti-vladimiru-putinu-iz-druzhestvennogo-kazachstana.html>

в данной теме тлетворное влияние Запада, отказывая казахам в их естественном праве помнить собственную историю, жить собственной сказкой, жить в собственном мифе, то, что говорить о том, что будет в будущем.

Помимо всего прочего, в Казахстане имеется четкое представление об унитарности страны, ее культурно-идеологической целостности, которая хотя и подвергается постоянным испытаниям и угрозам, тем не менее, четко сплачивает людей на основе глубоко толерантной казахской этнической культуры, оказывающей доминирующее влияние на процессы национально-государственной консолидации в стране. Эта культура выступает тем базисом, той непоколебимой основой, вокруг которой строится весь фундамент национально-государственного и этно-культурного строительства. В то время как в России очень сложно говорить о таком цементирующем основании.

В новых государствах выросло уже целое «поколение независимости», для которого Советский союз попросту не является ни частью их жизни, их интересов и приоритетов, ни проектом их национального будущего. И это объективный процесс³. Для наследницы же СССР — России, бывшей во времена СССР метрополией, центром советского мира, к сожалению, ничего в этом отношении не изменилось. Она, с одной стороны, так и осталась империей в старом смысле этого слова, по выражению Вигена Акопяна⁴ «ослепшей» империей, поскольку силовой, а не демократический, формат организации государства и его отношений с окружающими странами продолжает также незаметно для большинства ее жителей определять существо их жизнедеятельности, размывая, тем самым, остатки того идеологизированного советского «социального клея», на котором поддерживалось культурное единство народов СССР. С другой стороны, Россия внутренне сегментируется, и такая сегментация основана уже не на экономических или политических основаниях. Она происходит на основе различия культурных и цивилизационных ориентаций, составляющих федерацию субъектов и этносов. И в этом отношении Россия — разрушающаяся империя, империя, время которой, как выразился Федор Лукьянов⁵, течет наоборот, обратно.

³ Некоммерческая организация «Общественный договор» и исследовательский холдинг «Ромир» по заказу Международного фонда гуманитарного сотрудничества государств — участников Содружества Независимых Государств (МФГС) провели в 2011 году социологическое исследование в 10 странах СНГ и Грузии. На основе данного исследования была презентована «Концепция стратегии развития гуманитарного сотрудничества с учетом тенденций экономической кооперации и социокультурного разнообразия государств — участников СНГ», в которой отмечено различие культурных предпочтений и несовпадение культурно-гуманитарных проектов стран СНГ.

⁴ См.: <http://www.regnum.ru/news/fd-abroad/armenia/1467173.html#ixzz1dq0WaTOL>

⁵ См.: <http://www.globalaffairs.ru/redcol/Imperiya-naoborot-15378>

Национальная проблема — не просто философская проблема среди прочих проблем и, в этом смысле, не одно измерение философии среди прочих. Национальное самоопределение — это минимальный предикат самоопределения человека как общественного существа. И поэтому, культуры этносов России, получивших импульс дезинтеграции со времени распада СССР, будут все больше и больше этнически самоопределяться и именно в этом самоопределении развиваться, поскольку, уже не существует идеологических скрепов, державших, посредством силового способа организации власти и общества, разные народы в одной упряжке.

Распространяемая знаковыми русскими философами и поддерживаемая политологами и политиками разных мастей идея имперскости России предполагает создание так называемого «единого стратегического управления» и, незакрепленной в политическом устройстве, «полифонии этнических культур», основанной на упразднении статуса национальных республик и возможном их превращении в простые административные образования, как штаты, например. Такая империя, где жизнь без идентичности, а фактически, жизнь без права на самоопределение будет протекать под имперским взглядом «стратегов», явится новым оформлением неравенства, неокOLONиального преобладания и доминирования над иноверцами. В современных условиях экономического гегемонизма новоявленных дуумвиратов «императоров», поддержанных, по выражению А. Илларионова, «корпорацией секретных сотрудников», жизнь народов без сохранения собственной культурной идентичности, культурно-языковой унии представляется невозможной.

Такая политическая философия есть эрзац элитарной теории, не имеющей ничего общего ни с модернизмом, ни с постмодернизмом⁶. Ссылаться на «психоанализ льж» Ю. Эвола есть смысл тогда, когда ты не понаслышке знаком с шизоанализом Ж. Делеза и Ф. Гваттари, с творчеством Ж. Ф. Лиотара, Ж. Дерриды и других постмодернистов современности, понимавших, вслед за Г. Фихте, что национальная самотождественность никогда не выступает как черта эмпирическая, природного типа, она может дать о себе знать хотя и как философия спонтанная, философия невыраженная, но «образующая очень заметную конститутивную черту неэмпирического отношения к миру и как бы вид, род универсального дискурса, который «воплощен», репрезентирован, локализован, но не ограничен частностью отдельной нации»⁷.

⁶ Дугин А. Евразийство и постмодерн. — Завтра. №42 (935), 19 октября 2011 года.

⁷ Деррида Ж. Позиции. — М. 2007. С.137.

В России русский язык подвергся денационализации, а в других новых государствах, наоборот, национальные языки получили мощный импульс к ренационализации собственного содержания. Более того, как показала перепись населения, в России наблюдается демографическое истощение, основанное на силовой утилизации генофонда русского этноса, делает усилия политического класса по нивелированию других национальных языков и культур тщетными. Не любить чужую культуру и язык — это одно, но не допускать их свободного функционирования в условиях федеративного устройства — это нонсенс. Трудно себе представить, чтобы в Евросоюзе сделали официальным какой-либо один язык, а в США запретили бы говорить и писать на испанском. Также трудно представить, что, например, татары, башкиры, якуты и другие этносы откажутся от собственной национальной идентичности и станут кем-то другими.

Безусловно, причиной такой саморазрушительной модели культурного взаимодействия народов России является то, что само федеративное устройство России, ее конструкция подвергается господствующими политическими элитами доминирующего русского этноса сомнению. Эти господствующие меркантилистски ориентированные элиты находят юридические лазейки для строительства (представьте себе!!!) «унитарной федерации» или попросту, унитарного русского государства — государства русского этноса, нивелирующего значение федерации как национального самоопределения различных народов, как самоопределения языков и культур различных российских этносов⁸, включая русский.

Как известно, приход к власти Владимира Путина заставил забыть о ельцинской раздаче суверенитетов. Под предлогом экономической целесообразности были сокращены несколько национальных автономных административных единиц, как будто, когда создавалась федерация, их принимали именно с этим условием. Перераспределив в 2001 году полномочия Конституций республик в соответствие с федеральной Конституцией РФ, как явствует из решения Конституционного Суда российской Федерации, «властные полномочия субъектов Российской Федерации в сфере их ведения закреплены «по остаточному принципу», без раскрытия содержания этих полномочий». Сегодня, по словам Д.Медведева, Россия продолжит строительство унитарного государства. Спасение России в унитаризме видит и вице-спикер Госдумы Владимир Жириновский.

⁸ В России были приняты Закон № 309, отменивший региональный компонент образования в средних школах, использовавших для преподавания вторые государственные языки в некоторых национальных республиках в обязательном порядке для всех школьников в этих республиках и приказ № 362 Министерства образования и науки РФ, заменяющий экзамены на ЕГЭ и вместе с тем отменяющий возможность их сдачи на других национальных языках, кроме русского.

Неспособность правящего политического класса России предложить ясный и конкретный образ подлинного федеративного устройства и развития, его ангажированность олигархией, порождает соответствующие противоречивые размытые проекты будущего России как независимого государства, среди которых явным трендом является дезинтеграция. Более того, такие внутренние дезинтеграционные тренды, как стремление к самоопределению, осуществляемое в скрытых формах национального обособления, роста замкнутости, консолидации по родовым (национальным) признакам, как и отсутствие у политических элит России понимания необходимой модели собственного федеративного устройства, при которой бы всем этносам было гарантировано реальное культурное самоопределение, делает возможность интеграции на постсоветском пространстве сомнительной.

Именно поэтому сегодня преждевременно ставить задачу интеграции без разработки и внедрения новых принципов интеграции. СССР в свое время был примером силовой интеграции на идеологической основе, следовательно, «советский» принцип, способ интеграции, не смог обеспечить подлинного человеческого развития ее содержания. Значит сегодня нужно полностью отречься от недемократических «советско-имперских», не федералистских «либерально-имперских» и рафинированно интернационалистских мотивов интеграции, если страны СНГ действительно хотят добра и мира своим гражданам. И, следовательно, новые принципы интеграции возможны не просто как отрицание старых, но как «снятие», «деконструкция» старых, как продуцирование новых смыслов интеграционного процесса. И такое новое прочтение собственной авторской идеи евразийской интеграции предложено Президентом Казахстана Н. Назарбаевым в его статье «Евразийский Союз: от идеи к истории будущего»⁹.

⁹ Первоначально, как отмечает автор, до создания Таможенного союза это были принципы:

- экономического прагматизма,
- самостоятельной добровольности,
- равенства, невмешательства во внутренние дела друг друга, уважения суверенитета и неприкосновенности государственных границ, без передачи политического суверенитета,
- консенсусной наднациональности на основе равенства партнеров по интеграции.

Теперь же, когда речь пошла о создании Единого экономического пространства и Евразийского экономического союза, данные принципы должны быть дополнены новым прочтением евразийской идеи, предполагающей

- * конкурентоспособность, инновационность, прорывная технологичность,
- посредничество и связанность между евроатлантическим и азиатским ареалами развития,
- финансово-экономическая самодостаточность как звена, части новой глобальной валютно-финансовой системы,
- эволюционность и добровольность,
- общечеловеческий, народный проект.

Помимо обозначенных принципиальных основ интеграции, основными методологическими принципами казахстанского подхода, высказанного Президентом Казахстана при определении новой цивилизационной идеи информационного общества, нового цивилизационного формата диалога G-GLOBAL, являются: 1. ЭВОЛЮЦИЯ, А НЕ РЕВОЛЮЦИЯ (Путь реформ); 2. СПРАВЕДЛИВОСТЬ, РАВЕНСТВО, КОНСЕНСУС (Новая парадигма глобального социального развития, основанного на социальном партнерстве и ответственности, переход от «Вашингтонского», «Пекинского» и «Стокгольмского» консенсусов — к Глобальному консенсусу); 3. ГЛОБАЛЬНАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ И ДОВЕРИЕ (Толерантными должны быть отношения между государствами, вне зависимости от их геополитического веса и влияния, исторического опыта, уровня развития экономики и общества); 4. ГЛОБАЛЬНАЯ ТРАНСПАРЕНТНОСТЬ (Транспарентное сообщество наций без «двойных стандартов», унижающих достоинство наций — и больших, и средних, и малых, максимальная открытость и прозрачность в международных делах); 5. КОНСТРУКТИВНАЯ МНОГОПОЛЯРНОСТЬ (Добросовестная конкуренция, мирная сосуществовательность, сбалансированная система геополитических сдержек и противовесов, без блоковой психологии и геополитического сизмизма).

Итак, чтобы интеграция на постсоветском пространстве обрела подлинные очертания поддержанного обществами независимых стран культурно-цивилизационного проекта, необходимо, во-первых, не допустить культурного разложения внутри наших стран, и, прежде всего, не допустить культурного разложения России. Поскольку именно в России мы наблюдаем действие старых принципов интеграции общества, то пересмотром этих принципов в первую очередь должна заниматься Россия. Не перестроив себя внутренне, Россия не будет готова действовать по-новому вовне, в интеграционных объединениях, а значит, судьба интеграции будет заведомо загублена.

Во-вторых, дать реализоваться новым принципам интеграции, которые были предложены автором проекта Евразийской интеграции Нурсултаном Назарбаевым, а не следовать по пути старых подходов, предполагающих не равенство партнеров, а доминирование одних над другими.

Только при таком подходе, на наш взгляд, процесс интеграции евразийского пространства обретет необходимые предпосылки и станет подлинно равноправным и свободным проектом для народов наших стран.

Стратегия Европейского Союза в Казахстане

Максим Лихачев

Европейский Союз, наряду с Россией, США и Китаем, является одним из крупнейших игроков в центральноазиатском регионе. ЕС проявил особую активность во взаимоотношениях с государствами Центральной Азии уже в 90-ых годах, заняв сохраняющуюся до недавнего времени прочную позицию в топливно-энергетическом комплексе, а также широко развивая отношения со странами региона в области гуманитарного сотрудничества.

Несмотря на сравнительно длительное и разнонаправленное присутствие в Центральной Азии, Брюссель не стремился к господству в регионе, в этом смысле значительно уступая геополитическим амбициям России и США — и даже Китая на современном этапе. Стратегические цели ЕС заключаются сегодня, как и прежде, в достижении вполне осязаемых результатов — в получении доступа к энергоресурсам и в диверсификации маршрутов их доставки в Евросоюз в обход территории России, создании своеобразного пояса безопасности, ограждающего Европу от афганского наркотрафика, распространения экстремизма и терроризма, реализации собственных стратегических интересов в условиях обостряющейся конкуренции с Россией и Китаем. Этими соображениями и продиктована политика ЕС в отношении Казахстана — крупнейшего государства региона.

Приоритетом сотрудничества европейских стран с Казахстаном является нефте- и газодобыча, где европейский бизнес участвует в двух крупнейших проектах — месторождениях Карачаганак и Кашаган. В карачаганакском консорциуме Karachaganak Petroleum Operating BV европейская доля (65%) принадлежит итальянской Eni SpA и британской BG Group Plc. наряду с 20% американской Chevron Texaco и 15% российской Лукойл¹. Общий объем инвестиций в проект превышает 1 млрд. долл.² Запасы открытого в конце 70-х годов месторождения оцениваются в 1,35 трлн. кубометров газа и 1,2 млрд. т. нефти и газового конденсата³. Однако с конца 2009 г. руководство республики добивается пересмотра первоначальных соглашений о разделе продукции по Карачаганаку, пытаясь увеличить свое присутствие в консорциуме и выдвигая в адрес иностранных корпораций обвинения в нарушении

¹ Сайт Karachaganak Petroleum Operating B.V. — <http://www.kpo.kz/about-kpo.html?&L=1>.

² Сайт Karachaganak Petroleum Operating B.V. — [http://www.kpo.kz/news-view.html?&L=1&tx_news\[tt_news\]=840&cHash=d77bcde97bf46a2c148820c12864a99a](http://www.kpo.kz/news-view.html?&L=1&tx_news[tt_news]=840&cHash=d77bcde97bf46a2c148820c12864a99a).

³ Сайт НК «КазМунайГаз» — <http://www.kmg.kz/manufacturing/upstream/karashaganak/>.

природоохранного, трудового и налогового законодательства. В результате в соответствии с декабрьскими соглашениями 2011 года НК «КазМунайГаз» приобретает долю в размере 10%, из которых 6,5% ему продают европейские компании.

Пока остаются неясными перспективы западных компаний, участвующих в разработке северокаспийского месторождения Кашаган, некогда поспешно объявленного «вторым персидским заливом» (прогнозируемые извлекаемые запасы нефти — составляют 802 млн. т.⁴). В случае успеха проекта, как полагают эксперты, учитывая значительный объем вкладываемых инвестиций, высокая себестоимость добычи нефти обусловит крайнюю зависимость от нестабильной ценовой конъюнктуры на рынке энергоресурсов. В проекте наряду с технологическими и финансовыми трудностями, из-за которых сроки начала коммерческой добычи с 2005 г. неоднократно переносились (сегодня звучит новый срок — конец 2012 год⁵), европейские компании также испытывают давление со стороны властей Казахстана. В 2007 — 2008 гг. Астана добилась увеличения своей доли в проекте более чем в два раза до 16,81%, одновременно были уменьшены активы итальянской Eni, французской Total и британо-голландской Royal Dutch Shell до 16,81% у каждой (против прежних 18,52%)⁶.

В целом прослеживается тенденция сокращения участия европейских компаний в нефтегазовых проектах. Ко всему этому затянувшееся ожидание «большой нефти» с каспийского шельфа, кризис еврозоны в условиях усиливающейся конкуренции с Россией и Китаем и продолжающегося падения цен на нефть значительно омрачают перспективы европейского участия в казахстанском ТЭК.

Другим вектором энергетического сотрудничества ЕС и Казахстана выступает атомная отрасль. Республика занимает второе место в мире по разведанным запасам урана (21% от общемировых), лидирует по объемам его добычи (20% от мировых показателей в 2011 году), но лишена ключевых технологий ядерно-топливного цикла и заинтересована в диверсификации рынков сбыта. На фоне затянувшихся переговоров об интеграции атомно-энергетических комплексов России и Казахстана, Астана открыла для европейцев часть своих недр, ожидая доступа к новым технологическим цепочкам. Совместно с французской «Areva» создано СП по добыче урана СП «Катко» (с долей

⁴ Сайт НК «КазМунайГаз» — <http://www.kmg.kz/manufacturing/upstream/kashagan/>.

⁵ Сайт KMG Kashagan B.V. — http://www.kbv.kz/index.php?option=com_content&view=article&id=63.

⁶ Сайт KMG Kashagan B.V. — http://www.kbv.kz/index.php?option=com_content&view=article&id=13&Itemid=36

французов 51%, Казатомпрома — 49%), а с 2014 г. на базе Ульбинского металлургического завода в Усть-Каменогорске планируется запустить совместное производство топливных сборок.

События последнего времени определенно свидетельствуют о том, что у Казахстана есть собственное понимание национальных интересов в нефтегазовой сфере, заключающихся не только в получении альтернативных каналов поставки казахской нефти в ЕС, но и в самостоятельном присутствии на европейском рынке энергоресурсов. В феврале 2008 года дочернее предприятие КазМунайГаза «КазТрансОйл» приобрело компанию ВНИЛ, которой принадлежит Батумский нефтяной терминал (морской пункт перевалки каспийской нефти для ее последующего экспорта) и эксклюзивное право управления Батумским морским портом сроком на 49 лет. В настоящее время БНТ используется для перевалки нефти и нефтепродуктов из Казахстана, Азербайджана, Туркменистана, Грузии, Армении.

Другая значимая покупка КазМунайГаза 2007 — 2009 гг. — румынская нефтяная компания Rompetrol, располагающая тремя нефтеперерабатывающими предприятиями и широкой сетью (около 1100) автозаправочных станций в Румынии, Болгарии, Молдавии, Грузии, Франции, Испании⁷.

Крупные казахские приобретения последних лет позволяют Казахстану независимо выйти на рынок нефтепродуктов Европы и утвердиться в качестве самостоятельного поставщика энергоресурсов, используя появившиеся возможности для транзита не только зарубежных, но и собственных ресурсов, а также занять консолидированную позицию в бассейнах Черного и Средиземного морей.

Интересы Европы и Казахстана совпадают в вопросе транспортировки энергоносителей: в перспективе и Астана, и Брюссель хотели бы получить альтернативные каналы доставки нефти из ЦА в ЕС в обход территории России, через которую сейчас проходят основные маршруты казахстанского экспорта. Сегодня европейские компании представлены в Каспийском трубопроводном консорциуме (КТК), обслуживающем нефтепровод Тенгиз-Новороссийск. Многочисленные финансовые проблемы (долг КТК) и вопросы обеспечения поставок (безнадежность ожиданий нефти каспийского шельфа на Кашагане), ставящие под сомнение рентабельность проекта, отпугнули европейских инвесторов, значительно сокративших свою доли в КТК до 4% (против первоначальных 10,6%), что лишило их возможности влиять на ход реализации проекта⁸.

⁷ Сайт НК «КазМунайГаз» — http://www.kmg.kz/press/company_news/press_release/9106.

⁸ Сайт КТК — <http://www.cpc.ru/RU/about/Pages/shareholders.aspx>.

Ключевой западный трубопровод, проходящий в обход России — ветка Баку-Тбилиси-Джейхан (БТД). Без казахстанской нефти при проектной мощности в 56 млн. т. в год она задействована лишь на 60% за счет азербайджанских углеводородов⁹. В этих условиях Брюссель будет стремиться к возобновлению поставок по ней сырья из Казахстана. Ведутся переговоры о поставках с тенгизского месторождения, прерванных еще в 2009 году, когда не удалось достичь соглашения о плате за транспортировку. В апреле 2012 года стало известно о достижении договоренностей о возобновлении транспортировки казахской нефти через нефтепровод БТД. В условиях активно продвигаемого Москвой расширения мощности КТК (до 67 млн. т. нефти в год к 2015 году)¹⁰ перспективы поставки тенгизской нефти через БТД в обход России весьма сомнительны: в этом случае итог апрельских договоренностей будет всецело зависеть от планируемого на конец 2012 года начала добычи нефти на Кашагане.

В свою очередь Казахстан вынашивает встречные планы по созданию Казахстанской Каспийской системы транспортировки (ККСТ), которая, как предполагается, будет состоять из нефтепровода Ескене-Курык, нефтеналивного порта и танкерного флота и ежегодно обеспечивать доставку нефти с Кашагана до БТД по Каспийскому морю. Перспективы ККСТ также будут во многом зависеть от способности Казахстана нарастить объемы добычи. Россия же в свою очередь делает все возможное, чтобы оттянуть ресурсную базу от потенциальных и конкурирующих транскавказских трасс.

Автомобильные и железнодорожные коридоры, лоббируемые ЕС, преследуют цель, аналогичную трубопроводным проектам. Одной из крупнейших стратегических инициатив Евросоюза в центральноазиатском регионе является проект ТРАСЕКА (Transport Corridor Europe-Caucasus-Asia) — комплексный транспортный коридор, задействующий черноморские порты (Поти, Батуми), железные дороги Грузии и Азербайджана, каспийскую паромную переправу (Актау рассматривается в качестве одного из главных пунктов пути), далее через железнодорожные сети Туркмении, Узбекистана, Киргизии, Казахстана достигает Китая. Проект «Нового Шелкового Пути» в обход России призван объединить единым коридором Восточную Европу, Южный Кавказ и Центральную Азию и соединить их с Транс-Европейскими Сетями, снизить транзитную зависимость государств СНГ от российских путей, содействовать дальнейшей региональной кооперации под эгидой Европы. Для ЕС

⁹ Сайт Государственной нефтяной компании Азербайджана (SOCAR) — <http://new.socar.az/socar/en/news-and-media/news-archives/news-archives/2012/01/09>.

¹⁰ Сайт Каспийского Трубопроводного консорциума — <http://www.cpc.ru/RU/about/Pages/default.aspx>.

ТРАСЕКА обеспечивает контролируемый маршрут транспортировки кавказских и центральноазиатских энергоносителей и диверсификацию не только поставок углеводородов, но и снижение зависимости от России как страны-транзитера. Об активности Казахстана в рамках проекта можно судить по предложению еще 2010 года Н. Назарбаева о строительстве нового нефтепровода между Каспием и Черным морем взамен используемого сегодня железнодорожного пути Баку-Батуми для поставки казахской нефти в Европу. Однако главными препятствиями на пути реализации программы сегодня остаются большое число государств-участников (13 стран + ЕС) с различными, порой даже противоположными интересами (например, Таджикистан и Узбекистан), неучастие Туркменистана, отсутствие единой тарифной политики государств-участников (что значительно осложняется, учитывая участие Казахстана в ТС и ЕЭП), вопросы безопасности (ввиду прохождения маршрутов через беспокойный Кавказ и возможного подключения к проекту Афганистана).

Проект Трансазиатской железнодорожной магистрали (ТАЖМ), предусматривающий открытие железнодорожного коридора Европа — Россия — Казахстан — Китай, некоторыми специалистами рассматривается в качестве одного из потенциальных конкурентов российскому Транссибу в борьбе за трансконтинентальные грузопотоки. Однако такое утверждение нуждается в дополнительных расчетах, поскольку Транссиб работает на перевозку грузов с Дальнего Востока и Кореи, а ТАЖМ — из внутреннего Китая. К тому же северный коридор ТАЖД (через Казахстан) требует значительных капиталовложений в модернизацию существующих путей в условиях отсутствия в республике развитой транспортно-логистической инфраструктуры и транспортно-экспедиционного обслуживания, устаревшего парка подвижного состава. Через Казахстан проходит лишь один из возможных коридоров ТАЖД, а потому его эффективность зависит от претворения в жизнь проектов по другим направлениям, проходящим через страны с нестабильной политической обстановкой, требующим значительных капиталовложений в прокладывание новых ж/д веток в условиях сложного рельефа (например, в Киргизии) и в подготовку необходимых кадров, унификацию тарифного и таможенного регулирования.

Другим инфраструктурным проектом, по заверениям руководства Казахстана призванным связать Европу и Китай, является автомобильная дорога «Западная Европа — Западный Китай». Общая протяженность магистрали от Санкт-Петербурга до Ляньюньгана

составит 8445 км., а объем инвестиций превысит 6 млрд. долл.¹¹ Однако, несмотря на риторику о трансконтинентальном потенциале маршрута, он рассчитан, прежде всего, на развитие региональной торговли между Центральной Азией и Западным Китаем. Перевозки по нему на более дальние расстояния грозят убытками грузоотправителям с учетом дороговизны автотранспорта. Кроме того, привлекая займы международных финансовых институтов под бренд WEWC, Астана ведет ускоренную реконструкцию внутренней автомобильной сети: предполагается модернизация к 2015 г. 7 тыс. км. республиканских автодорог. К тому же ожидается рост объема транзитных перевозок, что должно стать стимулом для социально-экономического развития казахских регионов.

Многие транспортные проекты получают поддержку руководства Казахстана, поскольку способствуют уменьшению зависимости республики от российских транзитных путей, позволяют модернизировать национальные транспортные коридоры, а также соответствуют устремлениям Астаны в закреплении ее ведущей роли в торгово-экономических отношениях в регионе, укреплении отношений с крупными игроками в Центральной Азии (в т.ч. с Китаем и ЕС), а также максимально возможной реализации транзитного потенциала республики как стратегически важного транспортного хаба. Однако зачастую такие инфраструктурные проекты отличаются доминированием политических факторов над соображениями экономической целесообразности, когда транзитные пути служат геополитическим целям и спекулятивным конъюнктурным интересам держав в Центральной Азии.

Сотрудничество Европейского Союза и Казахстана в сфере безопасности во многом опосредовано программами НАТО и ОБСЕ. К собственно европейским проектам, осуществляемым совместно с Программой развития ООН, относятся WOMCA (содействие управлению границами) и CADAP (предотвращение распространения наркотиков). Программы предусматривают комплекс мероприятий институционального, инфраструктурного и учебного характера. Несмотря на достигнутые успехи в области профессионального обучения персонала и технического оснащения пограничных пунктов, реальный эффект от программ крайне низок: высокий уровень коррупции (от мелких поборов пограничников до нецелевого использования получаемого финансирования) сводит на нет наличие высокотехнологического оборудования, порой простаивающего без дела и без необходимого обслуживания, уровень наркотрафика не

¹¹ Официальный сайт проекта — <http://www.europe-china.kz/info/69>

уменьшился (доля афганского рынка наркотиков, экспортируемых в страны Центральной Азии, достигла 2 млрд. долл.¹²). Руководство республики рассматривает подобные проекты чаще всего лишь в качестве дополнительного источника финансовых средств. Однако, несмотря на это, ЕС удается успешно достигать цели стратегического характера, обозначая свое присутствие в «чувствительных областях». Примечательно налаживание сотрудничества в рамках этих проектов с Центрально-Азиатским региональным информационно-консультационным центром (ЦАРИКЦ) со штаб-квартирой в Алма-Ате, созданным под патронажем Управлением по наркотикам и преступности ООН и фактически курируемым США. Американцы под прикрытием борьбы с наркотиками используют Центр в качестве одного из средств усиления своего влияния в центральноазиатских странах.

Главная цель расширяющегося военно-технического сотрудничества Казахстана и Европы заключается в диверсификации поставок вооружений в республику и снижении зависимости от оборонной промышленности России. Хотя казахская армия по-прежнему ориентирована на российскую продукцию, получаемую за счет значительных скидок в рамках ОДКБ, Астана стала инициатором ряда новых сделок с европейскими производителями. Создан ряд совместных с европейцами предприятий: казахско-турецкое «Казахстан Aselsan Инжиниринг», казахско-французские «Thales Инжиниринг» и «Eurocopter Казахстан Инжиниринг», казахско-испанское «Indra Казахстан». Знаковым международным форумом стала проводимая уже во второй раз выставка KADEX-2012 при личном участии Президента Казахстана: свои достижения, кроме российских и казахских предприятий, также представили компании из США, Канады, Франции, Италии, Испании, Словакии, Турции. По итогам выставки был подписан контракт с европейским концерном Airbus о поставке 8 военных самолетов С-295, подписан Меморандум о взаимопонимании между «Eurocopter Казахстан Инжиниринг» и «Казахстан Aselsan Инжиниринг», предполагающий изучение возможности установки на вертолеты Eurocopter авионики Aselsan, заключены дилерские соглашения с болгарскими производителями. Предприятие «Казахстан Инжиниринг» сотрудничает с концернами Франции (по производству радиостанций, вертолетов, по проектам беспилотников), Италии (капитальный ремонт бронетехники), Испании (обслуживание РЛС), Швейцарии (самолеты двойного назначения)¹³.

¹² Отчет СОРОС по проектам — <http://www.soros.org/sites/default/files/occasional-paper-series-20120601.pdf>.

¹³ Сайт «Казахстан Инжиниринг» — http://www.ke.kz/index.php?option=com_content&view=article&id=20&Itemid=37&lang=ru

Важнейшими инструментами достижения политических и экономических целей ЕС в Казахстане являются публичная дипломатия и гуманитарное сотрудничество. В республике работают ряд одиозных европейских НПО (Amnesty International, Фонд Фр. Эберта, Transparency International, Фонд Конрада Аденауэра), многие из которых избрали Алма-Ату местом размещения своих центральноазиатских штаб-квартир. Реализуются программы, нацеленные на воспитание лояльных элит: Tempus, Erasmus Mundus, «Электронный шелковый путь», Казахстанско-Британский и Казахстанско-Германский университеты в Алма-Ате. Европейские вузы пользуются повышенной популярностью у получателей казахстанской государственной стипендии «Болашак». Сейчас выпускники западных программ занимают в основном должности управленцев среднего звена, но в будущем будут претендовать и на политические посты.

Страны ЕС оказывают содействие казахской оппозиции. Австрия и Великобритания предоставили политическое убежище бежавшим из республики противникам президента Н. Назарбаева Рахату Алиеву и Мухтару Аблязову, которые продолжают вести против действующего режима подрывную работу из-за рубежа.

Другим традиционным приемом европейцев является культивация исторических мифов, направленных на дискредитацию роли России на постсоветском пространстве. Вслед за призывом ПАСЕ 2010 года заняться более пристальным изучением проблем голодомора в СССР украинский сценарий реализуется теперь в Казахстане. В мае 2012 года Н. Назарбаевым был открыт памятник жертвам голодомора в Астане, а в июне уже прошла конференция на тему «Голодомор в Казахстане: трагедия народа и уроки истории» при активном участии американских и европейских специалистов, в том числе из Фонда Карнеги и Берлинского университета.

Критика нарушения прав человека в адрес казахского руководства служит способом давления на Астану и подвержена двойным стандартам. Со стороны Запада, в частности, не последовало жесткой реакции на расстрел демонстрантов в Жанаозене в декабре 2011 г. на фоне продолжающихся переговоров по расширению северной сети снабжения НАТОвской группировки в Афганистане с участием Казахстана.

Политика Евросоюза в отношении Казахстана, как и в отношении других ЦА республик, лишена единства в осознании странами Европы их общих целей и задач. Несмотря на четкое понимание интересов ЕС в топливно-энергетической области (диверсификация поставок и доступ к национальным сырьевым ресурсам), прослеживается тенденция сокращения доли европейского бизнеса в казахской газонефтедобыче. В области инфраструктурных проектов экономическая целесообразность

уступает место политическим и порой конъюнктурным инициативам. Сотрудничество в сфере безопасности подчинено геополитическим целям США, осуществляемым в рамках механизмов НАТО и ОБСЕ: самостоятельные европейские программы оказались малоэффективны.

По некоторым направлениям Астане и Брюсселю удалось найти точки соприкосновения, связанные со стремлением Казахстана к уменьшению транзитной зависимости от России и к утверждению в качестве ключевого игрока центральноазиатского региона с самостоятельным выходом на европейский рынок энергоресурсов (атомпром, покупка Казахстаном Rompetrol и Багумского терминала, военно-техническое сотрудничество). При этом Казахстану в какой-то степени удается балансировать между интересами крупных региональных акторов, порой даже заигрывая с европейским истеблишментом, демонстрируя свою приверженность европейской составляющей внешнеполитического курса республики. То это введение в экспериментальном порядке с 1 июля до 31 октября текущего года безвизового режима для граждан государств ОЭСР с перспективой возможного продления этой практики. То это назначение бывшего премьера Великобритании Тони Блэра в качестве своего советника по экономическим и даже политическим вопросам. К тому же Казахстан — единственная страна региона с программным документом в отношении ЕС — «Путь в Европу». Осознание руководством республики значимости европейского направления внешней политики очевидно. Однако вряд ли можно говорить о его приоритете над российским, американским или же китайским вектором: скорее, это прагматичное намерение выстроить плодотворные для страны отношения с каждым из ключевых игроков в ЦА, извлекая из их геополитического соперничества максимум выгоды.

Ледники и геополитика

Стефан Гаррисон

Последствия климатических изменений дают о себе знать в общественном сознании в довольно драматических тонах. В Европе наводнения 2002 г. и жара 2003 г. из-за которых погибли, по меньшей мере, 20000 человек, являются лишь двумя примерами. Но изменение климата имеет потенциал, который может повлиять на человеческое общество более тонкими и менее заметными способами, которые могут оказать дестабилизирующее влияние на экономику и расстроить политические отношения. Это хорошо заметно, если мы сосредоточим внимание на данных по последним климатическим изменениям и его вероятными будущими последствиями в Центральной Азии.

Одним из ожидаемых результатов глобального потепления является уменьшение ледяного покрова в горах и вечной мерзлоты, что в настоящее время происходит практически во всех горных районах. В большинстве стран Центральной Азии ледники и лед в зоне вечной мерзлоты служат в качестве водонапорных башен, обеспечивая непрерывную подачу свежей воды в долинах и позволяя, тем самым, проводить экономическую активность. Их отступление за последние несколько десятилетий в связи с глобальным изменением климата бросается в глаза.

Это хорошо видно в горах хребта северного Тянь-Шаня в Республике Казахстан. Здесь отступление ледников влияет на характер стихийных бедствий в населенных долинах и низменностях предгорной зоны. В более широком масштабе этот процесс имеет потенциальные геополитические последствия.

Горные районы, окаймляющие аридные зоны Центральной Азии сталкиваются с растущим спросом на водные ресурсы и туристическую деятельность. Эти проблемы особенно остро стоят в Казахстане, который (за пределами России) является крупнейшим и наиболее экономически развитым постсоветским государством с обширными запасами важных минеральных ресурсов.

Город Алматы и прилегающие районы находится в густо населенной предгорной зоне Заилийского Алатау области Северный Тянь-Шань Республики Казахстан и составляют экономический центр страны: 20% промышленного производства, 30% сельскохозяйственного производства и 17% населения находятся здесь.

Этот регион использует водоснабжение из двух основных источников. Первым является трансграничная река Или, которая

поднимается в горы на северо-западе Китая и течет на запад в Южный Казахстан. Второй, являющийся исключительно местным и надежным источником поставок воды для города, — это дренажные бассейны ледников Большая и Малая Алматинка, расположенные в тридцати километрах к югу от Алматы. Как и многие другие ледниковые горные районы, эти долины склонны испытывать сильные наводнения и катастрофические сходы лавин и селей, которые нарушают транспортную и коммунальную инфраструктуру и ставят под угрозу человеческую деятельность.

Экологические отчеты из стран региона включают детальный мониторинг ледников конца XIX века, широкий диапазон климатических параметров собранных с 1879 г. в долине Малой Алматинки, а также данные о частоте и характере лавин и активности сползания ледника в течение последних сорока лет. Этот набор данных дает четкое понимание, что изменение климата оказывает влияние в регионе, что подтверждается анализом метеорологических данных и реакцией горных ледников.

Среднегодовая температура воздуха в 1936 — 98 гг. показывает, что значительное повышение температуры воздуха там произошло с 1980-х гг., в настоящее время эти параметры составляют около 0,2-0,25 градусов выше долгосрочного тренда. В горах среднегодовая температура воздуха у Большого Алматинского озера показывает увеличение на 0,8 градуса за этот период, что немного выше, чем 0,6 градуса роста средней глобальной температуры поверхности за прошлый век согласно в докладе МГЭИК 2001 г.

Ледники и изменение климата

В горах хребта северный Тянь-Шань за последние пятьдесят лет подвергались мониторингу 416 ледников, и эти наблюдения показали, что они тают очень быстро, теряя около 0,7% от своей массы в год в период с 1955 по 2000 гг. За это время ледники сократили общую площадь с 272 до 201 квадратных километров. Наиболее изученным из них является ледник Туяк-Су, находящийся в тридцати километрах к югу от Алматы. Эта небольшая ледниковая впадина составляет около пяти километров в длину и имеет 4 квадратных километра. Наблюдение за ним проводится с 1870-х гг., поэтому данные по Туяк-Су являются одними из самых продолжительных и непрерывных по хронологии в мире, и представляют значительный интерес для климатологов и специалистов по ледниковому моделированию.

Данные по балансу массы показывают разницу между входом в системе ледника (в основном в виде снега и

льда с лавинами) и выходом (в основном за счет таяния). От того, является ли баланс массы ледника положительным или отрицательным, определяется его «здоровье» и позволяет количественно описать приобретает ли ледник массу или теряет ее.

Данные по леднику Туюк-Су показывают, что баланс массы был в основном положительным в период с конца XIX-го века до первых двух десятилетий XX века. Тем не менее, с середины XX века произошел сдвиг в сторону отрицательного баланса массы. Хотя такие тенденции, очевидно, представляет особый интерес для ученых, они также предупреждают о глубоких изменениях, которые могут повлиять на жизни миллионов людей в Центральной Азии.

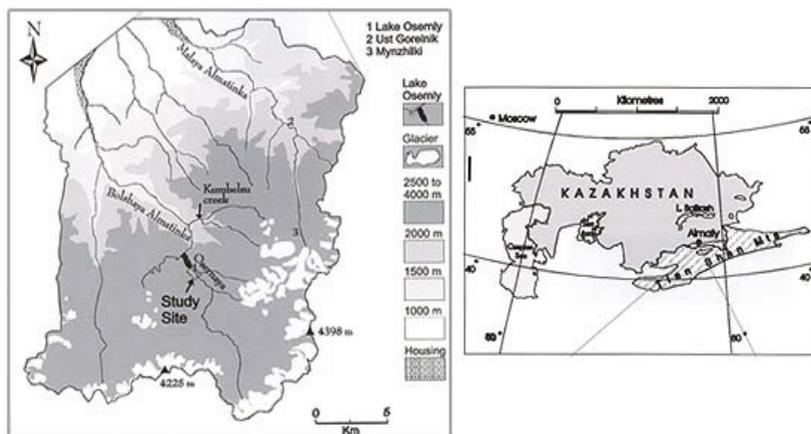
Политика воды

Около 75-80% речного стока в регионе происходит за счет ледников и вечной мерзлоты, и с отступлением ледника приток воды ухудшается, что ставит под угрозу экономику сельского хозяйства. Проблемы водоснабжения также потенциально могут дестабилизировать политическую ситуацию в регионе, так как многие из рек являются трансграничными, ледники в одном государстве являются источником воды для рек в другом.

Например, в Китае имеются планы по забору воды из реки Или для развития производственных мощностей в провинции Синьцзян. Очевидно, что планы Китая по забору до 40% воды из бассейнов рек Иртыш и Или усугубит проблемы водоснабжения озера Балхаш и водохранилища Капшагай, оба из которых, в свою очередь, снабжают Алматы. Рациональное использование водных ресурсов, поэтому, не может быть достигнуто без политического соглашения на высоком уровне и угроза конфликта по поводу доступа к водным ресурсам продолжает сохраняться.

Кроме того, таяние ледника создает еще два опасных природных явления. Во-первых, отступление ледников обнаружило огромное количество рыхлых ледниковых обломков, которые сейчас засоряют основные притоки и долины. В период сильных дождей они трансформируются и образуют разрушительные потоки камней, которые быстро несутся в низовья долины в южный пригород Алматы.

Во-вторых, что более опасно, последнее отступление ледника привело к развитию ледниковых озер, заплотиненных нестабильными моренами. Эти озера изливаются с катастрофическими последствиями, а последующие потоки мусора представляют серьезную опасность для города. Один из самых мощных селевых потоков, который повлиял на северные долины Тянь-Шаня, сошел в июле 1973 г. в долине Малой

Долины Большая и Малая Алматинка и карта Казахстана с учетом ледяных массивов и водных ресурсов

Алматинки. Он принес 4 миллиона кубических метров обломков горных пород к большой плотине и водохранилищу выше Алматы. Необходимы огромные суммы денег, чтобы оплатить инженерно-технические работы для решения этих проблем, что представляет собой значительные дополнительные экономические издержки из-за изменения климата.

Вопрос лишком серьезный, чтобы его игнорировать.

Пример с Казахстаном показывает две вещи: 1) насколько тесно связаны климат, ландшафт, политическая и экономическая системы; 2) что оценка рисков, связанных с будущим изменением климата — это нечто большее, чем составление карт опасности наводнения или знание о том, где подъем уровня моря затронет побережье.

Свидетельства изменения климата в глобальном масштабе небольших удаленных ледников, например, в Южном Казахстане, имеет неопределимое значение, так как на эти данные не влияют тепловые факторы, связанные с городами. Поскольку подавляющее большинство ледников в регионе Центральной Азии находятся в процессе таяния, мы можем быть уверены, что существуют убедительные доказательства того, что в этом регионе изменяется климат.

В более широком масштабе изменение климата потенциально может нарушить тот контекст, в котором работают экономические и политические решения. Некоторые люди, не являющиеся учеными, признают ту чрезвычайную быстроту, с которой может измениться климат, а также нелинейный и динамичный характер климатической системы. Политики постоянно игнорируют эти предупреждения или не воспринимают их всерьез. Это означает, что изменение климата может иметь для нас очень неприятные сюрпризы.

Ледник Туюк-Су

Евразийская интеграция: pro et contra

Зохра Азизова

Вопросы интеграции в современном мире являются одними из ключевых при осознании происходящих перемен, осмыслении тенденций в политической и социально-экономической сферах человеческого бытия. Этот вопрос становится тем более актуальным в быстро меняющихся геополитических реалиях, становясь стратегическим императивом времени для подавляющего большинства государств мира — таков общемировой тренд на текущий момент.

Республика Казахстан изначально является инициатором и последовательным сторонником и участником интеграционных проектов на постсоветском пространстве, и поэтому идея евразийской интеграции является ключевым направлением внешнеполитического курса государства и важнейшей стратегической ориентацией дальнейшего его развития.

Впервые концепция евразийской интеграции в виде идеи о создании Евразийского Союза (ЕАС) была озвучена Президентом Республики Казахстан Нурсултаном Назарбаевым 29 марта 1994 года в ходе посещения Московского Государственного Университета им М.В. Ломоносова в рамках официального визита в Российскую Федерацию. В основу данной идеи легли принципы добровольной, равноправной интеграции, совместного политико-экономического развития постсоветских государств, общего продвижения стран СНГ на сильные позиции в глобальном мире.

Эта идея начала воплощаться в создании Евразийского экономического сообщества, а в дальнейшем и Таможенного Союза.

В марте 2009 года в российской газете была опубликована статья Нурсултана Назарбаева «Евразийский экономический союз: теория или реальность», в которой Президент Казахстана особо подчеркнул отсутствие альтернатив евразийской интеграции в долгосрочной перспективе и действующие совместные проекты и перспективы как факторы, способствующие созданию Евразийского экономического союза¹.

В декабре 2010 года в Москве была подписана декларация о формировании Единого экономического пространства (ЕЭП), в которой заявлено стремление «к созданию Евразийского экономического союза в целях обеспечения гармоничного, взаимодополняющего и

¹ Назарбаев Н. Евразийский экономический союз: теория или реальность // «Известия», 19.03.2009 г.

взаимовыгодного сотрудничества с другими странами, международными экономическими объединениями и Европейским союзом»².

В октябре 2011 года тогда еще председатель правительства Российской Федерации Владимир Путин в своей статье «Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня» заявил следующее: «Евразийский союз будет строиться на универсальных интеграционных принципах как неотъемлемая часть Большой Европы, объединенной едиными ценностями свободы, демократии и рыночных законов. (...) Вхождение в Евразийский союз, помимо прямых экономических выгод, позволит каждому из его участников быстрее и на более сильных позициях интегрироваться в Европу»³.

Ответом на данную статью стало интервью советника президента РК Ермухамета Ертисбаева, в котором он напомнил, что идея создания Евразийского Союза принадлежит Президенту Казахстана. Ертисбаев озвучил официальную позицию Астаны: Казахстан готов участвовать в создании Евразийского союза, но исключительно на равных позициях с Россией. При этом последняя, по его словам, должна показать «высочайший уровень политической демократии, прав человека, политической и экономической конкуренции, защиты собственности и капитала, минимальный уровень коррупции»⁴.

Свое современное видение будущего Евразийского Союза Нурсултан Назарбаев приводит в статье «Евразийский Союз: от идеи к истории будущего», расставляя основные акценты на следующих принципах функционирования интеграционного объединения:

1. развитие евразийской интеграции исключительно на эволюционной и добровольной основе без какого-либо искусственного ускорения;

2. многовекторность интеграционного процесса, предполагающая участие постсоветских стран в различных региональных организациях, а также возможность создания наряду с ЕАС других межгосударственных объединений и, прежде всего, Центрально-Азиатского союза;

3. учреждение евразийской наднациональной расчетной единицы — ЕНРЕ;

² Декларация о формировании Единого экономического пространства Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации // Официальный сайт Президента Республики Казахстан (http://www.akorda.kz/ru/official_documents/international_documents/deklaratsiya_o_formirovani_edinogo)

³ Путин В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня. Известия, 03.10.2011 г. // <http://www.izvestia.ru/news/502761>

⁴ Ертисбаев Е. Политический патент на Евразийский союз принадлежит Назарбаеву // Интернет-портал «Zakon.kz», 7.10.2011 г. (<http://www.zakon.kz/4452263-ertysbaev-politicheskij-patent-na.html>)

4. широкая общественная поддержка как неотъемлемое условие создания ЕАС;

5. необходимость размещения исполнительных органов ЕЭП в Астане, что «стало бы справедливой данью признательности Казахстану как инициатору идеи евразийской интеграции»⁵.

Очередной вехой в развитии евразийского интеграционного проекта стало принятие 18 ноября 2011 года в Москве Декларации о евразийской экономической интеграции, Договора о Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) и Решения о Регламенте последней.

В целом образование Евразийского союза не превратится в некое рядовое событие регионального масштаба, — оно, прежде всего, отражая новую эпоху в истории стран-участников интеграционного процесса, новый этап интернационализации всех сфер жизни народов и государств, будет способствовать развитию разносторонних международных взаимосвязей во всех без исключения сферах.

Этот тезис также нашел свое отражение в статье Нурсултана Назарбаева, посвященной идее евразийской интеграции, в котором он подчеркивает открытость ЕАС без географических ограничений: «В евразийском проекте недалековидно видеть только лишь возможность коллективно закрыться от внешних экономических, военных, политических, информационных, технологических, экологических и других угроз. При таком узком понимании исторической перспективы ЕАС, велик будет соблазн выкраивания нового подобия «железного занавеса», но уже по другим геополитическим лекалам. Это абсолютно недопустимо и неприемлемо. Мы рассматриваем Евразийский Союз как открытый проект. Его нельзя представить без широкого взаимодействия, например, с Евросоюзом, другими объединениями»⁶.

Этот же принцип в полной мере раскрыт и в статье Владимира Путина: «Речь не идет о том, чтобы в том или ином виде воссоздать СССР. Наивно пытаться реставрировать или копировать то, что уже осталось в прошлом, но тесная интеграция на новой ценностной, политической, экономической основе — это веление времени. Мы предлагаем модель мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной «связки» между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом. В том числе это означает, что на базе Таможенного союза и ЕЭП необходимо перейти к более тесной координации экономической и валютной политики, создать полноценный экономический союз... Евразийский союз — это открытый проект. Мы приветствуем

⁵ Назарбаев Н. Евразийский экономический союз: теория или реальность // «Известия», 19.03.2009 г.

⁶ Там же.

присоединение к нему других партнеров, и прежде всего стран Содружества»⁷.

Между тем, идея евразийской интеграции находит как своих сторонников, так и противников — несмотря на объективную необходимость уже начавшихся региональных интеграционных процессов и с учетом того фактора, что глобализация и региональная интеграция — комплиментарные процессы с разницей в экономических подходах, изначально присущих регионализму и мультилатерализму.

Пока еще туманные перспективы Евразийского Союза вызывают серьезную озабоченность КНР в связи с интеграцией большинства стран ШОС в ЕАС. Более того, в настоящее время Китай должен определить для себя, каким образом позиционируется Евразийский Союз как геоэкономический, а в последующем — геополитический актор.

Однозначной и предвзятой можно назвать реакцию Запада на актуализацию интеграционного процесса на евразийском пространстве. Значительная часть экспертных оценок и мнений сводится к тому, что интеграция выгодна только России, которая в результате интеграции будет доминировать в регионе, вытеснив из него влияние ряда западных стран и КНР. В частности, американское разведывательно-аналитическое агентство Stratfor выражает единое мнение, что Россия рассматривает среднеазиатские республики в качестве защиты от исламского мира и Азии, а также в качестве энергетических и экономических партнеров⁸.

Исходя из такого позиционирования, в числе ключевых геополитических факторов актуализации вопроса о создании ЕАС можно назвать американскую стратегию «Нового Шелкового пути» — проект США в отношении Средней Азии. В первую очередь, он призван реализовать широкие стратегические цели США: зафиксировать присутствие экономических интересов США в регионе, утвердить успех противоповстанческой кампании в Афганистане, предотвратить обратное развитие событий, а также переформатировать северный транзит (северную распределительную сеть — СРС), играющую роль канала для снабжения войск США и НАТО в Афганистане⁹. При этом для России данный проект выглядит как некий геополитический маневр с целью ослабить влияние США в борьбе за контроль над Центральной Азией. В этом свете создание ЕАС может быть расценено как «мягкое» возвращение России в Центральную Азию.

⁷ Путин В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня. Известия, 03.10.2011г. // <http://www.izvestia.ru/news/502761>

⁸ Stratfor: Центральная Азия как стратегический плацдарм России. <http://www.wprri.ru/?p=2643>

⁹ Коротков Б. Американский «Новый Шелковый путь» — миф или реальность? <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1321868880>

О наличии противостояния между США и Россией в данном регионе открыто говорят идеологи американской внешнеполитической концепции. Один из крупных американских стратегов современности Збигнев Бжезинский, последовательно развивая концепцию Хартленда Макиндера, прямо заявляет: «В будущем ни одно государство или же коалиция не должны консолидироваться в геополитическую силу, которая могла бы вытеснить США из Евразии»¹⁰. В очередной раз свою позицию в отношении Евразии подтверждает Збигнев Бжезинский. В своей публикации в издании *Foreign Affairs* он подчеркивает, что Евразия становится центральным и критически важным элементом всей политики США на ближайшее будущее¹¹. Кроме того, рассматривая Россию как ключевое государство региона, автор выражает уверенность, что единственным верным путем для Москвы станет ее вовлечение в западную орбиту: «Россия сейчас оказалась в ситуации, когда с Путиным или без Путина, у нее нет иного выбора, кроме движения в западном направлении»¹². Речь идет о европейском векторе внешнеполитического курса России. Таким образом, Бжезинский пытается противопоставить ЕАС Европейскому Союзу, позиционируя при этом Россию как государство, пребывающее на разломе между Востоком и Западом. Вместе с тем задача Бжезинского — представить Россию как врага Китая, склоняя первую к интеграции с Европой, сближению с Западом.

Обращая на себя внимание особая настороженность, с которой западная пресса отреагировала на активизацию процессов евразийской экономической интеграции, пытаюсь буквально сразу выстроить у своего читателя стойкий ассоциативный ряд: интеграционные инициативы России обусловлены ее «имперскими амбициями». В публикациях ведущих американских и британских изданий как *Financial Times*¹³, *The Guardian*¹⁴, *The National Interest*¹⁵ и мн. др. инициативы В. Путина по активизации евразийской интеграции были восприняты как «завуалированная форма воссоздания СССР», со ссылкой на то, что распад последнего Путин назвал «крупнейшей геополитической катастрофой».

¹⁰ Brzezinski, Zbigniew. *Out of Control: Global Turmoil on the Eve of the 21st Century*. Touchstone, 1995

¹¹ Brzezinski, Zbigniew. *Balancing the East, Upgrading the West* // *Foreign Affairs*. January/February 2012. Volume 91, number 1.

¹² Там же.

¹³ Clover C. *Putin's grand vision and echoes of '1984'*. *The Financial Times*, October 5, 2011. <http://www.ft.com/intl/cms/s/2/2917c3ec-edb2-11e0-a9a9-00144feab49a.html#axzz1sBFPMHii>

¹⁴ Telder M. *Putin's grand vision: a new Eurasian bloc with old Soviet neighbours*. *The Guardian*, October 4, 2011. <http://www.guardian.co.uk/world/2011/oct/04/putin-grand-vision-eurasian-bloc?newsfeed=true>

¹⁵ Mankoff J. *What a Eurasian Union Means for Washington* // <http://nationalinterest.org/commentary/what-eurasian-union-means-washington-6821> .

Между тем, в статьях В. Путина, Н. Назарбаева и А. Лукашенко особо подчеркивается отсутствие какого-либо политического заговора при создании ЕАС: «Интеграция Беларуси, России и Казахстана — не против кого-то. В создании Евразийского союза не следует усматривать попытку некоего раздела Европы»¹⁶. Президент Республики Казахстан опровергает все «фобии» внешнеполитических противников евразийской интеграции: «Сегодня надо преодолеть страхи от слова «союз» и пресловутого «наступления империи... Некоторые западные эксперты поторопились заявить, что Евразийский Союз призван стать защитой от так называемой китайской экономической экспансии. Нет ничего более далекого от истины, чем такое утверждение»¹⁷.

Вместе с тем следует отметить, что интеграция Казахстана с Россией стало фактором активизации и политизации национал-патриотических сил внутри Казахстана. В частности, уже в 2010 году отдельными общественными акторами были инициированы заявления против участия Казахстана в Таможенном Союзе и формирования Единого экономического пространства, в которых отмечалось, что «решение об участии Казахстана в ТС было односторонним, без учета мнения народа, и означает начало конца независимого существования нашей страны»¹⁸.

Следует признать наличие экономических несистемных «издержек» на первоначальном этапе формирования Единого экономического пространства, которые можно устранить по мере развития механизмов функционирования ЕЭП и создания Евразийского экономического союза. Вместе с тем антиинтеграционные выступления национал-патриотов характеризуются своей конъюнктурностью и непоследовательностью, поскольку высказанная Н. Назарбаевым еще в 1994 году идея о создании ЕАС до сих пор не предавалась какой-либо критике с их стороны.

Однако необходимо отметить достаточно слабую информационную сопровождающую в освещении процессов интеграции для широких слоев населения, что негативно сказывается на общественной поддержке проекта. Совершенно справедливо замечание Нурсултана Назарбаева в отношении учета поддержки интеграции «снизу»: «Создание Евразийского Союза возможно только на основе широкой общественной поддержки... Интеграция — слишком важное

¹⁶ Лукашенко А. О судьбах нашей интеграции. Известия, 17.10.2011 г. // <http://www.izvestia.ru/news/504081>

¹⁷ Назарбаев Н. Евразийский Союз: от идеи к истории будущего. Известия, 25.10.2011 г. // <http://www.izvestia.ru/news/504908>

¹⁸ Заявление по поводу вступления Казахстана в Таможенный Союз // Интернет-газета «Zona.kz», 25.03.2010г. // <http://www.zonakz.net/articles/28700>

дело, чтобы доверять его только политикам»¹⁹. Очевидно, что создание эффективного и работоспособного Евразийского Союза невозможно без участия широких заинтересованных в интеграции масс, без привлечения экспертного сообщества. Нельзя оставлять без популяризированного и вместе с тем научно обоснованного комплексного подхода в вопросе соизмерения евразийской интеграции с национальными интересами Республики Казахстан.

В целом, в настоящее время ответить однозначно невозможно: каким он будет в итоге, евразийский интеграционный проект. Одно остается понятным, что эффективность проекта во многом будет обусловлена тем, насколько учтены и сбалансированы национальные интересы всех участвующих сторон, и тем, насколько широко проект поддержан в общественной среде.

витие евразийской интеграции исключительно на эволюционной и добровольной основе без какого-либо искусственного ускорения;

многовекторность интеграционного процесса, предполагающая участие постсоветских стран в различных региональных организациях, а также возможность создания наряду с ЕАС других межгосударственных объединений и, прежде всего, Центрально-Азиатского союза;

учреждение евразийской наднациональной расчетной единицы — ЕНРЕ;

широкая общественная поддержка как неотъемлемое условие создания ЕАС;

необходимость размещения исполнительных органов ЕЭП в Астане, что «стало бы справедливой данью признательности Казахстану как инициатору идеи евразийской интеграции»²⁰.

Очередной вехой в развитии евразийского интеграционного проекта стало принятие 18 ноября 2011 года в Москве Декларации о евразийской экономической интеграции, Договора о Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) и Решения о Регламенте последней.

В целом образование Евразийского союза не превратится в некое рядовое событие регионального масштаба, — оно, прежде всего, отражая новую эпоху в истории стран-участников интеграционного процесса, новый этап интернационализации всех сфер жизни народов и государств, будет способствовать развитию разносторонних международных взаимосвязей во всех без исключения сферах.

Этот тезис также нашел свое отражение в статье Нурсултана Назарбаева, посвященной идее евразийской интеграции, в котором он подчеркивает открытость ЕАС без географических ограничений: «В

¹⁹ Назарбаев Н. Евразийский Союз: от идеи к истории будущего. Известия, 25.10.2011 г. // <http://www.izvestia.ru/news/504908>

²⁰ Назарбаев Н. Евразийский Союз: от идеи к истории будущего // «Известия», 25.10.2011 г.

евразийском проекте недальновидно видеть только лишь возможность коллективно закрыться от внешних экономических, военных, политических, информационных, технологических, экологических и других угроз. При таком узком понимании исторической перспективы ЕАС, велик будет соблазн выкраивания нового подобия «железного занавеса», но уже по другим геополитическим лекалам. Это абсолютно недопустимо и неприемлемо. Мы рассматриваем Евразийский Союз как открытый проект. Его нельзя представить без широкого взаимодействия, например, с Евросоюзом, другими объединениями»²¹.

Этот же принцип в полной мере раскрыт и в статье Владимира Путина: «Речь не идет о том, чтобы в том или ином виде воссоздать СССР. Наивно пытаться реставрировать или копировать то, что уже осталось в прошлом, но тесная интеграция на новой ценностной, политической, экономической основе — это веление времени. Мы предлагаем модель мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной «связки» между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом. В том числе это означает, что на базе Таможенного союза и ЕЭП необходимо перейти к более тесной координации экономической и валютной политики, создать полноценный экономический союз... Евразийский союз — это открытый проект. Мы приветствуем присоединение к нему других партнеров, и прежде всего стран Содружества»²².

Между тем, идея евразийской интеграции находит как своих сторонников, так и противников — несмотря на объективную необходимость уже начавшихся региональных интеграционных процессов и с учетом того фактора, что глобализация и региональная интеграция — комплиментарные процессы с разницей в экономических подходах, изначально присущих регионализму и мультилатерализму.

Пока еще туманные перспективы Евразийского Союза вызывают серьезную озабоченность КНР в связи с интеграцией большинства стран ШОС в ЕАС. Более того, в настоящее время Китай должен определить для себя, каким образом позиционируется Евразийский Союз как геоэкономический, а в последующем — геополитический актор.

Однозначной и предвзятой можно назвать реакцию Запада на актуализацию интеграционного процесса на евразийском пространстве. Значительная часть экспертных оценок и мнений сводится к тому, что интеграция выгодна только России, которая в результате интеграции

²¹ Назарбаев Н. Евразийский Союз: от идеи к истории будущего. Известия, 25.10.2011 г. // <http://www.izvestia.ru/news/504908>

²² Путин В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня. Известия, 03.10.2011 г. // <http://www.izvestia.ru/news/502761>

будет доминировать в регионе, вытеснив из него влияние ряда западных стран и КНР. В частности, американское разведывательно-аналитическое агентство Stratfor выражает единое мнение, что Россия рассматривает среднеазиатские республики в качестве защиты от исламского мира и Азии, а также в качестве энергетических и экономических партнеров²³.

Исходя из такого позиционирования, в числе ключевых геополитических факторов актуализации вопроса о создании ЕАС можно назвать американскую стратегию «Нового Шелкового пути» — проект США в отношении Средней Азии. В первую очередь, он призван реализовать широкие стратегические цели США: зафиксировать присутствие экономических интересов США в регионе, утвердить успех противоповстанческой кампании в Афганистане, предотвратить обратное развитие событий, а также переформатировать северный транзит (северную распределительную сеть — СРС), играющую роль канала для снабжения войск США и НАТО в Афганистане²⁴. При этом для России данный проект выглядит как некий геополитический маневр с целью ослабить влияние США в борьбе за контроль над Центральной Азией. В этом свете создание ЕАС может быть расценено как «мягкое» возвращение России в Центральную Азию.

О наличии противостояния между США и Россией в данном регионе открыто говорят идеологи американской внешнеполитической концепции. Один из крупных американских стратегов современности Збигнев Бжезинский, последовательно развивая концепцию Хартленда Макиндера, прямо заявляет: «В будущем ни одно государство или же коалиция не должны консолидироваться в геополитическую силу, которая могла бы вытеснить США из Евразии»²⁵. В очередной раз свою позицию в отношении Евразии подтверждает Збигнев Бжезинский. В своей публикации в издании *Foreign Affairs* он подчеркивает, что Евразия становится центральным и критически важным элементом всей политики США на ближайшее будущее²⁶. Кроме того, рассматривая Россию как ключевое государство региона, автор выражает уверенность, что единственным верным путем для Москвы станет ее вовлечение в западную орбиту: «Россия сейчас оказалась в ситуации, когда с Путиным или без Путина, у нее нет иного выбора, кроме движения в западном направлении»²⁷. Речь идет о европейском векторе

²³ Stratfor: Центральная Азия как стратегический плацдарм России. <http://www.wprrr.ru/?p=2643>

²⁴ Коротков Б. Американский «Новый Шелковый путь» — миф или реальность? <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1321868880>

²⁵ Brzezinski, Zbigniew. *Out of Control: Global Turmoil on the Eve of the 21st Century*. Touchstone, 1995

²⁶ Brzezinski, Zbigniew. *Balancing the East, Upgrading the West // Foreign Affairs*. January/February 2012. Volume 91, number 1.

²⁷ Там же.

внешнеполитического курса России. Таким образом, Бжезинский пытается противопоставить ЕАС Европейскому Союзу, позиционируя при этом Россию как государство, пребывающее на разломе между Востоком и Западом. Вместе с тем задача Бжезинского — представить Россию как врага Китая, склоняя первую к интеграции с Европой, сближению с Западом.

Обращает на себя внимание особая настороженность, с которой западная пресса отреагировала на активизацию процессов евразийской экономической интеграции, пытаясь буквально сразу выстроить у своего читателя стойкий ассоциативный ряд: интеграционные инициативы России обусловлены ее «имперскими амбициями». В публикациях ведущих американских и британских изданий как *Financial Times*²⁸, *The Guardian*²⁹, *The National Interest*³⁰ и мн. др. инициативы В. Путина по активизации евразийской интеграции были восприняты как «завуалированная форма воссоздания СССР», со ссылкой на то, что распад последнего Путин назвал «крупнейшей геополитической катастрофой».

Между тем, в статьях В. Путина, Н. Назарбаева и А. Лукашенко особо подчеркивается отсутствие какого-либо политического заговора при создании ЕАС: «Интеграция Беларуси, России и Казахстана — не против кого-то. В создании Евразийского союза не следует усматривать попытку некоего раздела Европы»³¹. Президент Республики Казахстан опровергает все «фобии» внешнеполитических противников евразийской интеграции: «Сегодня надо преодолеть страхи от слова «союз» и пресловутого «наступления империи... Некоторые западные эксперты поторопились заявить, что Евразийский Союз призван стать защитой от так называемой китайской экономической экспансии. Нет ничего более далекого от истины, чем такое утверждение»³².

Вместе с тем следует отметить, что интеграция Казахстана с Россией стало фактором активизации и политизации национал-патриотических сил внутри Казахстана. В частности, уже в 2010 году отдельными общественными акторами были инициированы заявления против участия Казахстана в Таможенном Союзе и формирования

²⁸ Clover C. Putin's grand vision and echoes of '1984'. *The Financial Times*, October 5, 2011. <http://www.ft.com/intl/cms/s/2/2917c3ec-edb2-11e0-a9a9-00144feab49a.html#axzz1sBFPMHu>

²⁹ Elder M. Putin's grand vision: a new Eurasian bloc with old Soviet neighbours. *The Guardian*, October 4, 2011. <http://www.guardian.co.uk/world/2011/oct/04/putin-grand-vision-eurasian-bloc?newsfeed=true>

³⁰ Mankoff J. What a Eurasian Union Means for Washington // <http://nationalinterest.org/commentary/what-eurasian-union-means-washington-6821>

³¹ Лукашенко А. О судьбах нашей интеграции. *Известия*, 17.10.2011 г. // <http://www.izvestia.ru/news/504081>

³² Назарбаев Н. Евразийский Союз: от идеи к истории будущего. *Известия*, 25.10.2011 г. // <http://www.izvestia.ru/news/504908>

Единого экономического пространства, в которых отмечалось, что «решение об участии Казахстана в ТС было односторонним, без учета мнения народа, и означает начало конца независимого существования нашей страны»³³.

Следует признать наличие экономических несистемных «издержек» на первоначальном этапе формирования Единого экономического пространства, которые можно устранить по мере развития механизмов функционирования ЕЭП и создания Евразийского экономического союза. Вместе с тем антиинтеграционные выступления национал-патриотов характеризуются своей конъюнктурностью и непоследовательностью, поскольку высказанная Н.Назарбаевым еще в 1994 году идея о создании ЕАС до сих пор не предавалась какой-либо критике с их стороны.

Однако необходимо отметить достаточно слабую информационную сопровождающую в освещении процессов интеграции для широких слоев населения, что негативно сказывается на общественной поддержке проекта. Совершенно справедливо замечание Нурсултана Назарбаева в отношении учета поддержки интеграции «снизу»: «Создание Евразийского Союза возможно только на основе широкой общественной поддержки... Интеграция — слишком важное дело, чтобы доверять его только политикам»³⁴. Очевидно, что создание эффективного и работоспособного Евразийского Союза невозможно без участия широких заинтересованных в интеграции масс, без привлечения экспертного сообщества. Нельзя оставлять без популяризированного и вместе с тем научно обоснованного комплексного подхода в вопросе соизмерения евразийской интеграции с национальными интересами Республики Казахстан.

В целом, в настоящее время ответить однозначно невозможно: каким он будет в итоге, евразийский интеграционный проект. Одно остается понятным, что эффективность проекта во многом будет обусловлена тем, насколько учтены и сбалансированы национальные интересы всех участвующих сторон, и тем, насколько широко проект поддержан в общественной среде.

³³ Заявление по поводу вступления Казахстана в Таможенный Союз // Интернет-газета «Zona.kz», 25.03.2010г. // <http://www.zonakz.net/articles/28700>

³⁴ Назарбаев Н. Евразийский Союз: от идеи к истории будущего. Известия, 25.10.2011 г. // <http://www.izvestia.ru/news/504908>

Евразия: новое осознанное геополитическое пространство

Юре Вуич

Когда речь заходит о геополитике, мы думаем, прежде всего, о расстановке сил и диалектике конфликта применительно к определенной территории. Однако геополитика не является точной и замкнутой научной дисциплиной. Она объясняет не только динамику пространства, но и связанные с этим пространством скрытые символические представления, которые образуют систему понятий геополитики, связывая ее с метаполитикой, философией и герменевтикой. В таком случае, геополитика является также осознанием пространства. Несмотря на то, что «онтологический» подход в геополитике (как и праксиологический и полемологический подходы) еще недостаточно исследован, уже появились выдающиеся работы о связи геополитики и философии. Австрийский генерал Йордис фон Лохаузен определяет геополитику как «географический разум государства». Еще в V веке до н.э. древнегреческий историк Геродот говорит, что способность к синтезу предполагает умение обобщать. А философ Аристотель (IV век до н.э.) включает географию в политический анализ. Связь геополитики с философией заключается, в частности, в фундаментальном понятии власти, могущества. «Умение осмыслять пространство необходимо для понимания власти». Это понятие встречается также в названиях трудов, посвященных геостратегии: «Геополитика: пути могущества» генерала Пьер-Мари Галлуа или, например, «Империи и могущество» Йордиса фон Лохаузена. Особое место в геополитике занимает миф как средство понимания мира, которое вписывается в традицию и служит, таким образом, для передачи определенной системы ценностей. Миф — это отражение конкретного порядка по отношению к мировому хаосу. За фактами и вымыслом стоит видение мира в целом. «Мифы любого народа органически связаны с его видением мира и его историей». Однако мифы могут передавать и ложные идеи (по Платону). Следовательно, тот, кто создает и контролирует мифы, обладает властью. О силе предрассудков писал основатель философской герменевтики Гадамер: такие идеи, часто неосознанные, управляют механизмами идентификации (о них пишет и французский геополитик Франсуа Тюаль), которые обуславливают и формируют различные формы пространственных представлений. Нельзя отрицать, что геополитика — это особый способ мышления и представления пространства путем его организации и особой проекции в окружающую действительность. В философии пространство обрекает человечество на разрозненность, но, вместе с тем, дарит ему различия, индивидуальность,

самобытность и избавляет его от бесформенного и однообразного существования, при котором невозможно появление личности.

Движение, изменение и мобильность в геополитике

Стоит напомнить, что первым философским движением была борьба против движения, сопротивление восхищению движением, что обусловлено не столько этическими или психологическими причинами, сколько логикой. Вспомним спор Платона и Гераклита. Гераклит говорил: «Нельзя войти дважды в одну и ту же реку», — это было утверждением вечной мобильности и факта того, что время все превращает в ничто. На это Платон метко ответил, что непостоянство само по себе — это чистый вымысел. Ведь чтобы осознать непостоянное, нужно, чтобы это непостоянное само себе соответствовало, а его нестабильность была относительно стабильна. Различие и мобильность могут существовать только на фоне идентичности и постоянства. Схожая философская полемика была у Юма и Декарта. Согласно концепции Юма, человек вечно меняется, а значит, не может оставаться одинаковым. Человек не является ни ребенком, которым он был, ни стариком, которым он станет. Наша личность меняется. В социальной и политической истории кто-то может сказать, что мы имеем дело лишь с последовательностью потрясений, вселенским хаосом. Гегель ответит Паскалю, что мы воспринимаем историю как нечто хаотичное только потому, что есть некоторая сущность, которая сохраняется в ходе истории, то есть коллективные различия обретают форму в государстве с определенной пространственной, географической, исторической и политической организацией.

Континуальность / консервация / дискретность

Геополитика является динамикой мобильности, движения и, одновременно, — консервации и континуальности. Если сопоставить дуальную геополитику Евразии (теллурократия и континентализм) с талассократической геополитикой атлантизма, можно заметить, что их фундаментальное и эпистемологическое различие заключается в разнице на концептуальном и философском уровне смысла, который они дают пространству. Чтобы понять концепт мобильности, необходимо понять философскую ситуацию, в которой мы находимся. С одной стороны, мы имеем дело с позицией консерватизма, при которой мобильность представляется как падение и деградация. Действительно, у Платона, да и в так называемом «сакральном» мировоззрении,

мобильность зачастую равноценна смерти. Все, что способно изменяться, воспринимается как источник деградации и беспорядка. Мобильность становится синонимом беспорядка. Что касается философского и метаполитического уровня, мы узнаем из работ Генона и Эволы, посвященным традиции, что крайняя мобильность, лишенная смысла, сопровождает состояния патологического возбуждения и истерии. На уровне политики, излишнее возбуждение в городе является признаком беспорядка и его саморазрушения изнутри. С другой стороны, мы обнаружим «прогрессистскую» позицию по отношению к мобильности, которая возвышает ее и осуждает постоянство, «статику» как признак стагнации в материальном и психологическом плане. Постоянство — это стремление к смерти, к повторению; это стагнация, отказ от политического прогресса. Изучение эпохи Просвещения в трудах Шпенглера, Юнгера и постмодернистов Лиотара и Бодрийяра показало заблуждения и границы этой мифологии прогресса, которая была фетишизирована эпохой и стала затем причиной знаменитой западной «разочарованности».

В сфере геополитики мы имеем дело с эпистемологическим противопоставлением, которым надо оперировать весьма осторожно из-за риска начать рассматривать движение как анти-покой, а покой — как анти-движение, что приведет к патологической ситуации колебания между двумя крайностями. Великоискушение начать думать, что стагнация позволяет избежать волнения, а волнение — стагнации. В геополитике стагнация часто приводит к отказу от «власти», которая является целью геополитики. Эту стагнацию можно наблюдать в современной европейской про-атлантической геополитике, предписываемой всемирными экономическими требованиями соперничающей англо-американской талассократии. В результате, порождая намеренно стагнацию, чтобы уйти от волнения, мы порождаем стагнацию, которая возмущает, а создавая волнение в ответ на нее, мы способствуем появлению волнения, которое возвращает нас к стагнации. Иначе говоря, геополитика, лишенная мировоззрения и пространственного смысла, непременно порождает неясность, при которой смешиваются понятия «движение/покой» и «возбуждение/стагнация», в то время как разумная геополитика будет опираться на динамическую дихотомию, ловко сочетая движение и покой, осмысленные в понятиях «власть/континуальность» и «революция/консервация» на метаполитическом уровне. Именно эта разница лежит в основе оппозиции евразийской геополитики теллуократии и талассократической геополитики: первая является, по сути, силой преобразующего движения на основе общей исторической и органической континуальности континента, вторая же

является силой изменения — мобилизирующего, конструктивистского, механистического, — которое растворяет цельность континентальной основы в конструктивистской подвижной дискретности пространства. Талассократическая геополитика строится на принципе разделения и не учитывает природную и историческую континуальность пространства. В евразийской геополитике континуальность и движение вынуждены сосуществовать. Мы знаем из законов термодинамики, что именно движение структурирует систему, а покой и стагнация, наоборот, ее разрушают. Психоанализ показал, что стремление к желанию порождает само желание, а неподвижность является признаком смерти. Возникает вопрос, правомерно ли в геополитике смешивание понятий статичности и неподвижности. Статичность может быть созидательной. На медленной скорости и при замедлении происходят различные явления. Системам необходим покой, чтобы избежать перегрузки. Для человека покой — это момент созерцания и принятия окружающего мира. Между зрителем и созерцаемым объектом появляется своеобразная синхронизация, а затем происходит ускорение связи. Нельзя не восхищаться тем, как покой может стать фактором ускорения и движения.

Власть трансформации и хаос

Геополитика, понимаемая как «власть трансформации», становится сама по себе результатом осмысления. Таким образом, мобильность не является временным и пространственным концептом, это концепт продуктивный, а у существования в пространстве появляются новые отношения. Вопрос мобильности в геополитике влечет за собой и вопрос созидания на всех уровнях: пространственно-материальном, психическом и социальном, политическом и культурном. В таком случае, можно констатировать, что геополитика конструктивистских изменений, проводимая талассократическими державами, не смогла создать на завоеванных территориях (я имею в виду Ирак, Ливию и Афганистан) работающую модель построения государственных отношений, приспособить инновации к культурной, религиозной и исторической континуальности завоеванных пространств. Геоинженерные изменения, которые разрушили результат тысячелетней политической, культурной и исторической деятельности, лишь усугубили беспорядок и раздробление завоеванного пространства. Действительно, философия изначально говорила, что для успешной трансформации необходима стабильность и континуальность. Философские и метаполитические труды немецкой Консервативной революции (в эпоху Веймарской республики) показали желание провести социальную революцию в

рамках консервативного проекта, который бы учитывал традиции культуры, социальный факт и политическое пространство. В материальном плане идентичность никогда не появляется случайно — необходима континуальность жизни, динамизм материи. В геополитике понятие абсолютной статичности — нонсенс. Допустить и осуществлять абсолютный статус-кво означало бы небытие и отказ от власти, которая является сущностью геополитической динамики, остановку, до и после которой ничего бы не существовало. На самом деле, мы находимся во всеобъемлющем геополитическом динамизме, в состоянии постоянной войны, при котором покой, мир — лишь видимость. Конечно, мы наблюдаем некоторые замедления: Лейбниц говорит, что с точки зрения человека покой существует, но это лишь замедление, а не полная остановка.

Любая геополитическая идентичность вовлечена в динамизм. Лейбниц говорит, что мы всегда воспринимаем явления, даже до того, как начинаем делать это осознанно. Явления сами закрепляются в нашей памяти вне процесса восприятия, мы даже не осознаем этого. Другими словами, если бы природа сама не способствовала восприятию и закреплению в нашей памяти, мы бы не смогли ее воспринимать. Таким образом, человеческая идентичность, восприятие и сознание возможны только на фоне динамизма. На экономическом и политическом уровне, необходимая территория, государство или общественное пространство возможно только если геопространственная и геополитическая структура предшествует экономической и политической. Государство невозможно без геополитического динамизма, продуктивного в пространственном плане. В противоположность таким философам, как Платон, Декарт и Гегель, предполагающим существование предшествующей движению статичности, некоторые философы (Делёз, Гераклит и другие досократики, Юм, Маркс) считают, что изменения и покой являются результатом динамизма, движения. Для этих философов понятие динамизма связано с понятием континуальности. Абсурдно предполагать, что явления падают с неба, а не происходят из континуальности с природой, с историей, с бессознательными силами индивидуума и народов, со скрытыми историческими силами, — необходимо исходить из понятия динамизма и движения. Продуктивная мобильность нашей культуры стала возможной только после интеллектуальной революции. Результат этой революции — то, что мы сегодня называем мобильностью. Не будем забывать, что в Древней Греции при Аристотеле приоритет отдавали местоположению, а мобильностью обладал только Бог. Бог являлся движущей силой всякого творения. Будучи неподвижным, он наслаждается самим собой и

приводит в движение всякую вещь, привлекая ее к себе. В термомеханике именно движение организует систему, а не покой, а чтобы система была жизнеспособной, ей необходима гетерогенность. И наоборот, если система замкнута на самой себе, она будет постепенно разрушаться. Гетерогенность и порядок противопоставлены замкнутости и беспорядку. На геополитическом уровне, конец идеологий не является катастрофой, — это лишь обнаружение невозможности существования замкнутой на себе геополитической системы. Необходимо отказаться от утопичного идеала полиса, чтобы, наконец, научиться создавать динамические геополитические структуры, позволяющие интеграцию, дифференциацию и плюрализм в Евразии.

Пространство-время и космическое тело

В философии Бергсона есть идея о том, что время тоже создает пространство. Всякая великая геополитика, сакральная и светская, основывается на создании особого пространственно-временного континуума. Речь идет о подлинно ницшеанской, дионисийской концепции пространства-времени. Делёз говорит, что проблема Эйнштейна в том, что он не дошел до конца своего открытия, потому что ограничился количественной множественностью и не вышел на уровень качественной множественности. Бергсон критикует Эйнштейна за то, что он, а за ним и вся современная наука, проигнорировал стадию качественной множественности и не смог обобщить взаимодействие пространства-времени, открытое на физическом уровне, на весь пространственно-временной континуум. В «Материи и памяти» Бергсон говорит, что все, что мы знаем о материи является лишь потоком образов. Если материя — это поток образов, и если наше сознание воспринимает эти образы, тогда наше сознание сливается с вселенной. Далее, если наше сознание сливается с вселенной, то наша личность и есть вселенная. Анри Бергсон через анализ материи и сознания делает феноменальное открытие, что наша личность, наше сознание — это и есть вселенная. Мы являемся космосом. Когда я познаю, мое сознание является сознанием земного шара, галактики. Я не гармонирую с миром, я являюсь миром, «человеком мира» по Мерло-Понти. Открытия Бергсона и Делёза отсылают нас к понятию космического тела. Глубинная сущность человека — быть космическим телом, «телом без органов» по Делёзу. Но этот космизм, присущий любой истинной евразийской геополитике, полностью отсутствует в талассократической геополитике, которая является светской и материальной.

Евразийская геофилософия?

Диалектика движения/покоя, войны/мира прошла через историю всего евразийского континента. Континент развивался в духе эллинизма посредством конфликтов, через серию разногласий философского, религиозного, политического, экономического и территориального планов. Желание снизить уровень конфликтности противодействующих сил путем примирения и гармонизации привело к обратному результату и вызвало волну разрушительных сил, порожденных самой Европой. Если мы рассмотрим древнегреческое понятие ἀγωγή [воспитание] у Платона, мы заметим, что оно представляет собой ἀγωγή [состязание], борьбу противоположных сил в рамках единой и гармоничной души. Борьба, по своей природе, стремится упорядочивать и гармонизировать. Любая борьба — это порыв к целостности, ἔξις [способность] и κάματος [напряжение, усилие] к гармонии: любое состязание начинается с надежды победить, но победить врага значит обратить врага к себе, объединиться с ним. Поэтому борьба и конфликты ценны только тогда, когда они направлены на создание единения и гармонии.

С этой точки зрения, невозможно не осуждать опасное разрушительное действие στάσις [раздор], национальных распрей и экономического соперничества, которые подорвали и продолжают подрывать основы органической общности евразийского континента. При рассмотрении геополитических и политико-юридических тезисов Карла Шмитта, основанных на оппозиции суша-море¹, на антагонизме между англо-саксонскими талассократическими силами и европейскими континентальными силами, нельзя не заметить, что, в противоположность европейской аристократической концепции политики и государства, талассократия навязывает демократические формы политической организации и провозглашает приход власти множества. Согласно конституции Афин, морское главенство требует, чтобы управление принадлежало народу [δημος, демос], который приводит в движение корабли. Речь идет о духе ναυτική τέχνη [искусство мореплавания], о

¹ Карл Шмитт знал, что оппозиция суша-море является диалектикой суши и моря, воздушно-морской и воздушно-наземной сил, но эта оппозиция (политическая, а не природная) получила особое значение в 1941-42 годах, когда она связывалась с «мировой войной на море» между Германией и англо-американцами. Эта оппозиция имеет отношение к переломному моменту в английской истории, к «пространственной революции» XVI-XVII веков в эпоху завоевания Нового Света и религиозных войн, о которой Шмитт напишет в «Номосе Земли» 1950 года: «революционное решение перейти к чисто морскому существованию». Так как Англия стала наследницей европейского завоевания океанов, английское морское господство является фундаментальным фактом современной истории, главным аргументом «номоса» Земли, глобального и океанического, который с XVII по XIX век основывался на различении суша/море.

царстве пиратов, которые все дальше уводят свои корабли от суши, теряя органическую связь с землей и теллурическое сознание.

Это талассократическое отродье рождается без связи с сушей и неизбежно становится склонным разрывать эту связь у других. Именно в этом ключ к пониманию геополитики «потока», которой для покорения надо сначала размыть, растворить «теллурическое», континуальность в «текучем», подвижном и индифферентном. Англо-саксонская талассократия переносит европейскую судьбу морского господства по ту сторону океана. Гегель исследовал это грандиозное *translatio imperii* [перемещение власти], стоящее в основе зависимости власти и моря, моря и войны в его *status nascendi* [состояние зарождения]. Новый Свет, Америка, о которой мечтали все мореплаватели, лишена какого-либо якоря и пространственной стабильности, это лишь несбыточная мечта, в которую многие поколения верили и продолжают верить сейчас. Англо-саксонская талассократия, олицетворенная в Америке и Англии, обнаруживает новую форму варварской жестокости — разрушение всякой формы *ἔθος* [обычай] и *οἰκουμένη* [земля, мир]. Для Гегеля Америка представляет собой своего рода варварское обновление старого герметичного и теллурического мира, замкнутого на самом себе. Таким образом, талассократия не восторжествует, пока будет ставить сушу и море на одном уровне. Власть достанется тому, кто займет высшее положение. Метафорический полет моря должен стать реальным.

«Веселая наука» Ницше свидетельствует о таком же разрушении суши, когда искореняется *ἔθος* [обычай] и *νόμος* [закон]. Распространение современного сознания на запад и в США как воплощение «крайнего запада» представляет собой наступление явления, которое Эрнст Юнгер определял термином *totale Mobilmachung* [тотальная мобилизация], а Ницше называл *moderne Unruhe* [современное беспокойство] и описал в книге «Человеческое, слишком человеческое» как потерю покоя современными людьми. Этнические различия, *genius loci* [духи местности], социальная самобытность и плюральные объединения будут поглощены и уравнены индифференциацией, подобной поверхности воды [aequor]. На такой поверхности развивается кочевая жизнь, которая положит начало новой смешанной расе, это будут люди, ненасытно упивающиеся материальным, готовые в любой момент сорваться с места, имеющие лишь краткосрочные привычки, лишенные веры [*ἄπιστος δῆμος*, неверующие люди]. Для Ницше современный дух нигилизма, неизлечимая болезнь Европы, происходит от быстро распространяющегося обезличивания, которое искажает и искореняет традиционные обычаи, уничтожает границы между народами и навязывает индифференциацию времени и пространства. Под строгим

контролем неприкосновенного демократического принципа, во власти увлечения техническим творчеством и экспериментированием происходит становление индивидуальной свободы, противной всякой форме *sodalitas* (политическое объединение). Желание политической власти, не терпящее континентальных границ, порождает процесс демократизации. Этот процесс несет в себе зачатки разложения, губительные для любой здоровой политики, которую воплощает *ζῶον πολιτικόν* [существо общественное, «политическое животное»] у Аристотеля. Этот процесс требует постоянного роста многочисленных требований и ожиданий и пропагандирует культурный и экзистенциальный номадизм, вместе с тем он гарантирует безмятежное обладание материальными благами и эгоистическую и индивидуалистическую независимость. Действие и исторический факт возведены в ранг идолов, а деятельность занимает место человека (для автора это идолопоклонство носит современное имя атеизма). Европейские ценности погрузились в сумерки от их искоренения и профанации, но Европа сама является Западом, который несет в себе сумерки внутренней энергии, воли, существовавшей реально в древней системе ценностей. Утрата ценностей смешивается с упадком воли к могуществу и геополитическому главенству. Общая тенденция нашей эпохи направлена на всеохватывающее единение, «полное единство» по Бодрийяру. Дуальность вчерашней холодной войны была лишь переходным этапом на пути к этому единению, от периода радикальной идеологической оппозиции (Пражская весна 1968 года, которая привела к «зиме», маккартизм) до разрешения этого конфликта в пользу контроля мирового рынка. Эта тенденция к глобальной унификации и является современной формой европейского нигилизма. Защитники этого нигилизма оправдывают его основанием новой формы идеального «Левиафана», способного нейтрализовать варварство идеологических конфликтов и приступившего к уравниванию ценностей и сокращению политических угроз посредством административных декретов. Но никогда раньше тирания обезличивания не была такой сильной. Логика этой тирании в том, чтобы сделать относительным все, кроме высшей цели, которой является глобальная нейтрализация ценностей. Проект «вечного мира», разработанный Эрнстом Юнгером в труде «Мир», мистическое и эсхатологическое учение Николая Кузанского («*De pace fidei*», о согласии веры) — это лишь иносказательная постановка вопроса о становлении Европы. Если принять за основу, что Евразия всегда была Землей вечного поиска (*aeterna inquisitio*), тогда для исцеления ей необходимо строить себя на принципах сообщества, основанного на любви к различиям, разнообразия исторического опыта и экзистенциального

становления. Массимо Каччари в книге «Геофилософия Европы» использует метафору «захода солнца» как символ искупления для Евразии. Этот «заход» означает не уход от самого себя, а, наоборот, обращение вглубь себя, где можно услышать и последовать речи высшей бесконечности, на основании которой множественные элементы признают необходимость подлинной и постоянной постановки вопроса в качестве основы для размышления. Даже если подобный «заход солнца» кажется недоступным для Евразии, этот недоступный абсолюте, вечная постановка вопросов о «смысле» — метаполитическом и геополитическом, — и станет единственным путем становления Европы.

Евразийская геополитика будет заключаться в динамике «смысла» онтологической территориализации (концепция Жюлья Делёза и Феликса Гваттари): это «ровное пространство» необходимо заново покорить и приспособить. Открытие нового евразийского различия возможно только с помощью диалектики освобождения и детерриториализации, о которой писал Ришар Мариенштраас: «Удаляться от того, что близко, и приближаться к тому, что далеко, противоречит привычной связи человека с его социальной и естественной средой»². Речь идет о парадигматическом русском образе «ближнего» и «дальнего» зарубежья, о восприятии других стран как неопределимые «чужие края» в противоположность преходящему «здесь».

Новое осознанное геополитическое пространство

Что общего у Хаусхофера и Делёза? Между полемиологической геополитикой и геофилософскими рассуждениями Отто Поггелера, Жака Деррида, Жан-Люка Нанси, Франсуа Маковски и итальянских философов Луизы Бонезио, Алессандро Марчерано, Катерины Реста и Виченцо Виттелио? Это определенное «осознание» пространства. Хаусхофер осмыслял пространство в категориях власти, Делёз — в категориях смысла и становления. Они оба смогли вырваться из традиционной западной временной и исторической схемы, которая привела к гомогенизации реальности, к отрицанию различий. В этом плане, Делёз и Гваттари смогли преодолеть распространенную точку зрения, поставив во главу угла понятие пространства и осмысляя различие без его сведения к подобному, гомогенному, к постоянству или к простой дискретности. Геополитическая трактовка мировых событий сторонником исторического подхода Йордисом фон Лохаузенем подкрепляется этим геофилософским выходом за пределы исторического, что позволяет лучше осмыслить Событие и

² Richard Marienstras, *Le proche et le lointain. Sur Shakespeare, le drame elisabethain et l'ideologie anglaise aux XVIe et XVIIe siecles*, Paris, Les Editions de Minuit, 1981

Становление, отдавая их от исторической точки зрения и вовлекая в них изменение и перестройку. Таким образом, получается лучше осмыслить всю историю в целом и нашу современную историю в частности, справедливо характеризуемую преобладанием сложного, гетерогенного, мимолетного и дискретного. Геофилософия Делёза и Гваттари позволяет вписать мысль в пространство. Речь идет не об отказе от истории и от времени, но об особом взгляде, который вводит различие в историю и во время, создавая новую логику отношений. В этом плане, геофилософский метод точно вписывается в концепцию спектрального анализа Германа Кайзерлинга³. Это новое осознание пространства, «Raumsinn» [объемное восприятие] по Хаусхоферу есть не что иное, как онтологический поворот мысли к земле. Вероятно, мысль всегда была организована согласно пространственным и теллурическим схемам. Мысль направлена на истину, и каждое свойство имеет свою территорию, трудности заключаются в путях (метод), границах и их преодолении или закрытии (отношения между свойствами), разграничении, стратегиях для сохранения или подчинении территорий. Не случайно географ Иммануил Кант задал вопрос: «Что значит ориентироваться в мышлении?» Философия всегда была глубоко озабочена определением своей территории и ее границ, разделением своей географии на участки, возможным движением внутри этого разделения. Из-за своих застав и пунктов контроля она всегда интересовалась чужими краями, всем не-философским (и даже антифилософским), которое волнуется и копошится за ее пределами. Введение пространства в мышление именно таким способом позволяет определить через необходимость связи с внешним миром. Детерриториализация неразрывно связана с территорией и, наоборот, территория появляется внутри движения детерриториализации и определяется этим движением, которое заставляет ее изменяться. «Rimland» Маккиндера, «зоны соприкосновения» Коэна являются детерриторизованным периферическим продолжением «Hinterland» и позволяют лучше понять континентальную динамику. Делёз в книге «Различие и повторение» показал, что репрезентация, как доминантная форма философии, предполагает определенный тип отношений с внешним миром. В геополитическом плане это — взаимодействие символических и дискурсивных репрезентаций личности и территории, предпосылок Парето, «ухронии» Франсуа

³ Граф Герман Кайзерлинг является одним из создателей антропоморфической концепции. Его виталистский замысел уподобляет континенты и цивилизации организмам, находящимся на разных стадиях развития. Он считает, что тело Европы было поражено и что ее раны, как раны любого живого существа, надо прижечь, чтобы избежать заражения и гниения. Ей нужно обновиться с помощью «внутренней трансформации своих составляющих», но «обновиться, не отказываясь от прошлого», создав «новый космос на руинах после извержения вулкана».

Тюаля или герменевтических «предрассудков» Гадамера. Делёз подчеркивает, что мышление предполагает, что есть изначально образ того, что осмысливается, и того, что можно помыслить. Он предлагает выйти за строгое соответствие репрезентации, утверждать внешнее, развивать линии (ризомы) дифференциальной логики. Гваттари и Делёз исследуют возможность мысли, их цель — новый способ мышления. Динамика детерриториализации и ретерриториализации позволяет обнаружить новую специфику. Осмысление современной Европы в геофилософских терминах предполагает констатацию того, что духовной сущности Европы больше не существует, что она была «конфискована», «колонизована» американоцентричным «Дальним Западом», где царят меркантилизм, финансизм и свободный рынок. Современная Европа пережила не «успление», как пишет Раймон Абеллио (книга «Успение Европы»/Assomption de l'Europe), а настоящее поглощение «низменными сущностями» «Дальнего Запада». Однако Абеллио был прав, когда пророчил образование Евразии, которое позволит миру войти в период «реинтеграции», подготовленный самыми значительными и «конвульсивными» конфликтами истории. В этом процессе реинтеграции Европа лишится своей исконной сущности, сохраняя при этом свою «парализованную» территорию, подобно трупу без души и жизни. Несомненно, Европа «детерриториализована», ее духовная сущность и ее самобытность «в другом месте». Настоящий вызов для Европы — принять свое «ризомическое» будущее и следовать своему течению. Ее платой за обретение своей духовной территории будет геополитический и онтологический траур по переодетому понятию «запада», после которого Европа обнаружит свое истинное «евразийское» призвание. Европа, расколотая постоянной «инверсией инверсии» эллинских и иудейских гнозисов в христианстве и появлением универсалистского рационализма и национализма, никогда не сможет стать для себя «полем объединения», ведь «сила сегодня объединяется в масштабах целых континентов, а не отдельных наций», — считает Абеллио. То, что он называет «успением Европы», является ее смертью в «кризисе единения» цивилизации и появлением гностического Запада, «Европы как полюса инверсии [отмеченного «фашистским» моментом] между США и Россией» при «оксидентализации северного полушария» посредством «расширения и усиления бывшей среды Северная Америка — Европа — Россия в новую среду, растянувшуюся на все северное полушарие и представленную Восток — Западная Европа — Запад, замыкающуюся китайским и калифорнийским концами на Японии». Однако схема Абеллио будет неполной, если ее не дополнить пагубными эффектами «горизонтальной» метастазы

основной формы, которой подчинены все мировые геополитические полюса, и которая, от Лондона до Токио и Нью-Йорка, не поддается никакой форме территориализации.

Разговоры о Евразии сводятся к вопросам онтологического и идентификационного плана. Каковы ценности и особенности, влияющие на современных европейцев? И существуют ли у них политические формы, способные выйти за рамки государства-нации, чтобы стабилизировать и объединить евразийскую территорию? Чтобы ответить на эти вопросы европейцы должны искать то, что политолог Заки Лаиди называет новыми «осмысленными пространствами» [Zaki Laidi, *Geopolitique de sens*, Desclee de Brouwer, 1998], потому что в наши дни стало понятно, что так называемые ценности рыночной географии, прав человека и мирового управления не производят никакого приемлемого «ценностного» осмысления. Именно с такой проблемой столкнулась сегодняшняя Европа, ее разрешение требует кропотливой работы по собиранию, составлению, сочетанию, синтезу и преодолению и кристаллизации, плоды которой вписались бы в пространство-время как непрерывное становление.

Сегодняшняя Европа заканчивает эпоху современности, которая на пути к постмодернизму будет продолжать глобализироваться. Религиозные верования, художественное и литературное творчество, социальные и политические формы, быстро растущая власть техники и научного прогресса возвещают наступление планетарной эры. Новое покорение мира опустошает завоевателей, и победители становятся похожи на проигравших. Европа, в прочем, как и личность и общество, не поспевают за миром, за неочевидным разоблачением ускользающей совокупности. Мы все, как и коллективное существо Европы, сами того не зная и не признавая, перешли к новому отношению к миру.

Талассополитика гомогенизации и имперский принцип гетерогенизации

В контексте геополитики атлантизма будет уместным сослаться на термин «талассополитика» — неологизм, созданный Жюльеном Фройндом, чтобы пересмотреть некоторые концепции геополитики, которые отдают приоритет теллурическим явлениям перед явлениями морскими. Этот концепт применим в контексте работ Шмитта о Суше и Море, Альфреда Мэхэна о «морской мощи» (Sea Power) и Хэлфорда Маккиндера о «Хартленде» (Heartland). Диалектика гомогенизации потока изменений и геополитической гетерогенности представляется как доминантная логика международной системы. Она

затрагивает все сферы геополитической конструкции и склоняет на различный манер параметры изменения. Как это ни парадоксально, она одновременно охватывает связь между глобализацией и всеобщим, между конструктивистской геополитикой унификации и геополитикой дифференциации — этими двумя явлениями, которые подразумевают оппозицию между талассополитикой и евразийской теллурической геополитикой. Воссоединение Евразии сложно представить без метаполитического и геополитического объединительного элемента, структуры имперского типа в старом понимании⁴, то есть суверенной системы с дифференциацией статуса ее составляющих. Опыт показывает, что объединение затронутых единиц возможно только при различном темпе и в согласии с изменяющимися условиями, что не должно мешать двигаться дальше и быстрее желающим того единицам. Имперский принцип «поддержания гетерогенности организованной переменной геометрией»⁵ был создан, чтобы учесть экономическую разнородность и предложить временное решение до ее устранения, и является ценным как в политическом плане, так и в культурном. В отсутствие единой европейской нации или европейской культуры, которые, преодолев стадию общего достояния, могли бы стать настоящим связующим элементом, необходимость примирить различия, сделать солидарным равнодушие и преодолеть разногласия обретет в этом принципе спасательный круг. Лингвистический барьер держится дольше, чем таможенный, психологические препятствия долго стираются. Рынок создать проще, чем нацию. Одних только экономических и финансовых причин не хватит, чтобы заставить сосуществовать государства, которые этого не хотят. Гетерогенность различных аспектов европейской проблематики может быть преодолена, только если признать главенство политики под давлением мировой обстановки. Необходимость геостратегической перекалибровки все еще зависит от действий настоящих и будущих великих держав. Однако если учитывать пространственные ограничения международной системы, смена масштабов на уровне пространства действия фирм, частных организаций, и относительное опережение большинством государств, лишь редкие единицы, зависящие от великого пространства, могут быть в

⁴ Антуан Винклер, статья «Империя возвращается»/ *L'empire revient* в *Commentaire*, весна 1992, том 15, n°57. Аналогия между европейской конструкцией и структурой средневековой империи может стать способом вывести Европу из тупика. Это не отменяет проблемы супранациональности — необходимости в едином центре политических решений, по крайней мере, для наиболее продвинутых объединений.

⁵ Концепт Пьера Майе и Дарио Вело в книге «Европа переменной геометрии. Переход к интеграции»/ *Europe a geometrie variable. Transition vers l'integration*, Paris, L'Harmattan, 1994. Он вписывается в парадигму адаптивной гомогенизации, но порядок организации европейского пространства вызывает разногласия.

числе этих великих держав. Только понятие великого пространства, подразумевающее многополярную и инклюзивную динамику трансформации, способно контролировать и предотвращать динамику дискретных изменений. Это могут быть лишь государства-континенты или макросистемы, созданные, чтобы примирить региональные противоречия или удовлетворить национальные или локальные запросы, чтобы поглощать и регулировать силу изменений. Актуальная архитектура международной силы описана Бжезинским, ее можно свести к контролируемому США евроазиатскому равновесию, причем сами США пользуются настоящим геополитическим иммунитетом. Разумное представление этого равновесия требует учитывать динамогенные зоны международной системы, чего не предполагает классическая точка зрения. Ей пора отложить видение, не учитывающее рост могущества Азии.

Новые пространства силы и уравнивание международной системы

В контексте мультиполярной геополитической реконфигурации появляются новые пространства силы, меняющие представление политического мира. Роль стран с развивающейся экономикой группы БРИКС и восточной Азии в международных отношениях постоянно растет. Этот рост связан с ростом их присутствия в мировой экономике, центром гравитации которой они могут скоро стать вследствие роста могущества некоторых азиатских государств, которые остаются на данный момент державами регионального характера. Азиатского полюса, в собственном смысле этого слова, не существует в международной системе, потому что на Дальнем Востоке соперничество сильнее общности идей или национализма. Демографический рост не имеет к этому никакого отношения. Однако энергетика Восточной Азии придает новую перспективу евроазиатскому равновесию. Гипотеза ассимиляторской гомогенизации под влиянием США является преимущественным поведением талассократической геополитики, предусматривающей восстановление парадигмы взаимозависимости и интеграции. Ей сопутствует установившаяся структура власти. Это тенденция к унификации национальных и социальных единиц, их приведению к единой норме рыночной демократии, экономического неолиберализма и общества потребления. Геостратегический приоритет, который США отдают Европе, подтверждает концепцию мира, сосредоточенного вокруг северной части Атлантического океана.

Тем не менее, если учитывать скорость европейского политического строительства и если не произойдет в ближайшее время маловероятное ускорение, есть все шансы, что в течение этого века Китай и Азия намного сильнее продвинутся на пути модернизации, чем Европа — на пути унификации. В таком случае геополитическую реальность будет лучше отражать представление с центром вокруг северной части Тихого океана. Задача XXI века — построить осознанное пространство, которое будет общим для всех жителей и наций Европы, и создать альтернативные геополитические структуры, которые смогут восстановить равновесие с гегемонистской динамикой унификации талассократических сил.

Дилемма иммиграции "по-французски"

Наталья Петрашкова

Уже на протяжении нескольких лет иммиграция является одной из главных тем дебатов во многих развитых странах мира, и Франция в этом случае не является исключением. Вопросы гражданства, национальной интеграции, жестокости на окраинах, наплыв нелегалов, рост антисемитизма и ксенофобии волнуют современных французов и не сходят с полос газет.

В соответствии с определением, принятым Высшим Советом по интеграции, иммигрантом является иностранец, родившийся за рубежом и проживающий во Франции¹. Француз, родившийся за границей и живущий во Франции, не является иммигрантом. Индивид, получивший французское гражданство, все равно остается принадлежать иммиграционному сообществу, так как определяющим показателем является место его рождения, а не национальность. Статус «иммигранта» присваивается человеку при первом пересечении границы на всю его жизнь.

Согласно классификации ООН, иммиграционными странами могут называться те, в которых доля иностранцев превышает 1%² от общей численности населения, так Франция перешла этот рубеж уже в 1851 г., что произошло значительно быстрее, нежели у ее европейских соседей, например, Германия и Нидерланды перешли этот порог только в 1950 г., Италия в 1985 г., а Испания и Португалия в 1990 г. Согласно данным национального института статистика и экономических исследований INSEE «в начале XX века количество иммигрантов, проживающих на территории Франции, составляло 1 млн. человек (2,5%); в 1954 г. уже 2,3 млн. (5%); и 4,2 млн. (7,5%) в 1990 г.³». Девяностые годы охарактеризовались стабилизацией притока иностранцев, однако новый всплеск не заставил себя ждать, и «уже к 2007 году численность иммигрантов составила 5 млн., то есть 8% от всего количества населения (2 млн. выходцев из Европы и 2,2 млн. из Африки)»⁴. Сейчас по данным

¹ Définition «immigré» [Enligne]; [Site officiel d'INSEE], [Portail Web]. URL: <http://www.insee.fr/fr/methodes/default.asp?page=definitions/immigre.htm> (05.04.2012)

² Новоженова И.С. Иммигранты во Франции: опыт интеграции иностранцев // Современная Франция. М., 2006. С.73

³ France portrait social. INSEE. P.2010. P. 39

⁴ Там же

французского национального института демографических исследований INED на 10 год количество иммигрантов, проживающих на территории Франции достигло 6,7 млн. человек⁵ (более 10% населения Франции).

По данным анкет ТеО (Trajectoires et Origines⁶), отслеживающих направления миграции и фиксирующих происхождение иммигрантов и их родственников, «в 2008 году во Франции насчитывалось 6,5 млн. детей иммигрантов (11% населения метрополии), то есть прямых потомков одного или двух иммигрантов, из которых 3,1 млн. в возрасте от 18 до 50 лет (1,5 млн.), родители которых были выходцами из Европы, 1,2 млн. — из Африки»⁷.

С девятнадцатого века, иммиграция неотделима от экономической деятельности Франции. Страна, характеризуемая высокими темпами роста экономики и низкой рождаемостью, нуждалась на протяжении нескольких временных этапов в привлечении новой рабочей силы. Ключевые вехи иммиграционных волн связаны с трудовыми циклами, содействовавшими послевоенной реконструкции страны, развитию промышленности и сельского хозяйства. Иммиграция «à la française» формируется на фоне социального кризиса и носит колониальный отпечаток. В отличие от США, провозглашающих иммигрантов «отцами-основателями» нации, Франция, четверть населения которой состоит из иммигрантов, полностью нивелирует участие иностранцев в истории страны, «отцами» которой являются герои Великой французской революции, а предками — галлы. По мнению французского историка Жерара Нуарьея, феномен французской иммиграции заключается в одновременном развитии двух разнонаправленных революций: с одной стороны, это великая французская революция 1789 года, провозгласившая становления государства-нации, строящегося по принципу гражданской идентичности, с четко определенными территориальными границами и защитой своих граждан от внешних угроз, и, с другой стороны, промышленная революция, которая дала толчок к массовым перемещениям рабочих кадров. Эти разнонаправленные процессы до сих пор находят свое отражение, а также усиливаются новым явлением глокализации, когда на фоне общей глобализации, стремящейся к универсализму, размыванию границ и свободному передвижению граждан, происходит усиление национального и регионального самосознания. В популистских выступлениях иммигранты все чаще

⁵ Le nombre des immigrés en France représente plus d'un dixième de la population française. 06.12.2010 [Enligne]; [Site officiel d'INED], [Portail Web]. URL: <http://french.peopledaily.com.cn/International/7222339.html> (25.04.2012)

⁶ С фр. «Направление и происхождение» иммиграции

⁷ France portrait social. INSEE. P.2010. P. 39

называются угрозой национальной идентичности и источником социальных проблем.

Уязвимые стороны иммигрантов очевидны: они часто испытывают проблемы с французским языком, а уровни дипломов прямых потомков иммигрантов значительно ниже, чем у детей французских родителей. По данным INSEE в 2008 году во Франции работало 2,15 млн. иммигрантов (8,4 % от всех работающих, в 2005 — 7,4%)⁸, однако уровень безработицы среди них вдвое больше, чем у не иммигрантов.

До середины XX века Франции довольно легко удавалось справляться с интеграцией и ассимиляцией иммигрантов, однако после того, как в страну стали массово прибывать иммигранты-мусульмане из стран Африки и ближнего Востока, этот процесс начал давать сбои. В демократической стране стал наблюдаться феномен сегрегации, геттоизации окраин, а также рост ксенофобии. После массовых молодежных иммигрантских волнений 2005 года табу и политкорректность в обсуждении проблем иммигрантов стали не актуальными, вопрос вышел на широкое обсуждение и стал одним из самых обсуждаемых за последние годы. Новость об убийстве в Тулузе еврейских детей и раввина французом арабского происхождения Мохаммедом Мера, заставила Францию содрогнуться в марте 2012 года. В то время активным ходом шла предвыборная кампания кандидатов в президенты и история с «Тулузским стрелком» не могла не остаться не замеченной. Сразу после проведения антитеррористической операции выросли рейтинги бывшего президента Николя Саркози, программа которого была построена на проблемах безопасности и национальной идентичности, а также укрепила свое положение Марин Ле Пен — лидер ультраправой партии «Национальный фронт».

Несмотря на избрание президентом социалиста Франсуа Олланда, в целом, в обществе усиливался националистический настрой, так как еще из-за плотной концентрации иммигрантов в крупных городах, промышленных регионах и курортных центрах искажается восприятие об их количестве в стране. Значительная часть иммигрантов проживает в регионе Иль-де-Франс (37%) . «В Париже один человек из шести является иммигрантом, в Сен-Сен-Дени — каждый пятый⁹».

⁸ France portrait social. INSEE. P.2010. P. 41

⁹ Новоженова И.С. Иммигранты во Франции: опыт интеграции иностранцев // Современная Франция. М., 2006. С.79

Рецензии

Fais, Andrea. *l'Aquila della Steppa. Volti e prospettive del Kazakistan*. Edizioni all'insegna del Veltro, Parma, 2012. — 158 p.

Савин Л.В.

Данное издание адресовано, прежде всего, италияязычному читателю, так как написано на итальянском языке автором из Италии. Однако, подобные тенденции свидетельствуют об изменении кругозора западноевропейской научно-политической мысли, что в контексте евразийской интеграции может являться хорошим сигналом.

Андреа Фаис, молодой ученый из Италии, проделал довольно большую и важную работу, которая поможет его соотечественникам адекватно понять значение Казахстана в мировой политике, стратегию его руководства и идеи евразийства.

Во введении монографии дана краткая история казахского народа, что немаловажно, так как традиционная западнцентричность в Европе зачастую является искусственным барьером для понимания того, как именно разворачивались процессы формирования народов и государств на территории Евразии. Рассказывается о временах Российской Империи, советской власти и обретении Казахстаном независимости в 1991 г. после распада Советского Союза. Также дана краткая справка по другим республикам Средней Азии. Далее автор неоднократно возвращается к различным историческим и знаковым событиям, которые так или иначе связаны со становлением современного казахского общества и государственности. Вместе с этим, отмечен и тюркский фактор, в том числе и в отношении других акторов международной политики (наиболее известный — турецкий проект пантюркизма в качестве продвижения своих стратегических интересов).

Необходимо отметить, что книга написана с геополитических позиций. В отличие от поверхностных работ многих западноевропейских аналитиков и политологов, в данном труде автор оперирует классическим геополитическим аппаратом, проводит параллели различных политических событий на евразийском пространстве с внешней политикой США, различными доктринами (например, сдерживания), а также применяет военно-стратегические термины и цитирует авторов этих школ (Макиндер, Бжезинский, Хантингтон, Люттвак и др.).

Помимо пространственно-географического анализа рассматриваются вопросы сотрудничества в области безопасности, прежде всего, работа таких организаций, как ОДКБ и ШОС, даны данные по энергоресурсам, а также залежам минералов и металлов, в том числе о добывающих компаниях и местах проведения работ.

Несколько страниц издания посвящено вопросу выращивания зерновых культур и агропромышленному комплексу Казахстана, включая научно-исследовательские организации.

Автор также обращает внимание на историю космодрома Байконур, а также космических проектов СССР, в том числе в контексте противостояния США и проекту "Звездных войн" Р. Рейгана.

Кроме того, рассматриваются текущие взаимоотношения Казахстана с другими странами региона, особенно с Китайской Народной Республикой.

Завершает авторскую часть материал о возможном сценарии дальнейшего развития Казахстана, основанный на программных документах и прогнозах.

Для наглядности в работе использованы карты и схемы.

Предисловие к книге написано основоположником и идеологом неоевразийства профессором А. Дугиным, что придает данной работе дополнительную ценность.

В приложении даны тексты выступления Нурсултана Назарбаева, благодаря чему у читателя сложится более целостная картина внутренней и внешней политики Казахстана, а также идей евразийства.

Арзуманян Рачья. Сложное мышление и сеть. Парадигма нелинейности и среда безопасности 21 века. Ереван: Норавапк, 2011. 496 стр. + вкладыш 2 стр.

Исследование, которое можно отнести к разряду крайне необходимых пособий по стратегии, современным конфликтам и геополитике. Автор

— известный специалист из Армении по вопросам новых теорий войны и конфликтов, публиковавший ранее ряд научных статей по этой тематике. Название отражает общую концепцию книги, которая содержит пять глав: 1) сложное мышление и наука сложности; 2) парадигма нелинейности и среда безопасности 21 века. Нелинейная природа войны; 3) военная культура и стратегия; 4) трансформация военной сферы и теория сетцентричных войн; 5) концепция операций, базирующихся на достижении эффектов (ОБДЭ).

Несмотря на то, что вторая глава отражает название труда, первых четырех главы имеют объем около 70 страниц, тогда как пятая глава — около двухсот. Такая асимметричность допускает предположить, что автор акцентировал внимание именно на ОБДЭ, предварив их подробное описание остальным материалом.

В первой главе рассказывается о научной парадигме, связанной со сложными системами и междисциплинарными исследованиями. На примере, уже ставших признанными, теорий рассматриваются такие понятия как самоорганизующаяся критичность, сложные адаптивные системы, нелинейное мышление и т.п. Хотя все это относится к философским категориям, они необходимы для дальнейшего понимания изменений, связанных с трансформацией вооруженных сил и природы конфликтов в XXI веке.

Вторая глава как раз и рассматривает данные вопросы в контексте исторического наследия военной науки Западной Европы. Автор указывает, что одним из основателем теории сложности применительно к войне, был Карл фон Клаузевиц, после которого другие исследователи пытались помыслить войну с новых позиций.

В третьей главе рассмотрены такие важные понятия, как стратегия и культура, которые взаимосвязаны. Рассмотрены различные точки зрения на военную стратегию. Автор приходит к выводу, что однозначного понятия стратегии и правил для нее не существует. Также не возможно осуществлять и адекватное стратегическое прогнозирование, так как будущее, особенно в состоянии конфликта, не предсказуемо. Отмечены такие нюансы, как "тре-

ние", "внезапность" "логика и грамматика войны". Автор на примере многочисленных работ показывает, что существует определенный зазор между мышлением теоретиков, стратегов и практиков, так же как есть и определенное непонимание между политиками и военными, у которых всегда разное видение целей и ситуации во время конфликта. Указано и на многочисленные исследования в этой области в специализированных организациях при Министерстве обороны США, а также исследовательских центрах. Более того, автор придерживается точки зрения, что в США существуют проблемы с адекватным видением современных конфликтов и путем их разрешения, из-за чего существует своего рода двойное дно — есть декларируемые доктрины и стратегии, а есть те, которые применяются на практике и, в основном, проводятся в русле старой школы линейного мышления.

Четвертая глава посвящена разработке новой модели ведения боевых действий в США. Рассмотрены причины, которые привели к такой необходимости, технологический прорыв в области вооружений и информационных технологий (революция в военном деле).

В пятой главе подробно освещаются операции, базирующиеся на достижении эффектов (также в русскоязычной литературе приняты и другие названия — операции на основе эффектов и операции базовых эффектов). Подробные схемы и графики позволяют лучше понять эту концепцию и методы ее пошаговой реализации.

Кроме того, в приложении рассмотрена концепция стратегического паралича, предложенная американскими военными, что позволяет лучше понять методику ведения боевых действий вооруженными силами США.

Пересказывать подробно эту книгу не имеет смысла. Во-первых, она имеет достаточно большой объем. Во-вторых каждый подраздел в главах имеет свои особенности и ценен релевантной информацией. В-третьих, монографию можно бесплатно скачать на сайте научно-образовательного фонда "Нораванк" — www.noravank.am, поэтому все, кто проявляет интерес к подобным исследованиям, смогут лично ознакомиться с этой работой.

Савин Л.В. От шерифа до террориста. Очерки о геополитике США. — М.: Евразийское движение, 2012. — 256 стр.

Алтухов В.А.

Международное «Евразийское Движение» при поддержке кафедры Социологии международных отношений социологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова выпустили книгу Леонида Савина «От шерифа до террориста. Очерки о геополитике США».

Леонид Савин, главный редактор журнала «Геополитика» и информационного портала Геополитика.ру, один из ведущих российских экспертов в сфере геополитики и международных отношений. Продолжительное время занимается исследованиями в сфере международной политики, внешнеполитической деятельности США, изучением

американских военных доктрин. Издал две книги: «К геополитике», в которой рассмотрел актуальные вопросы геополитики, а также проблемы различных конфликтов и возможных угроз; «Сетецентричная и сетевая война. Введение в концепцию», посвященная рассмотрению истории появления концепции сетецентричных войн Министерства обороны США (NetcentricWarfare) и широкому социальному феномену сетевой войны (Netwar).

Раскрывая значение названия книги «От шерифа до террориста», автор ссылается на размышления британо-американского геополитика и стратега Колина Грея, который использует метафору шерифа для обозначения той роли, что взяли на себя США после терактов 11 сентября 2001 года. То есть, обозначив свою миссию как борьбу с терроризмом, Соединённые Штаты утвердили свою роль в качестве шерифа существующего мирового порядка. Исходя из постулатов упомянутого уже Колина Грея, американский шериф должен быть готов бороться и побеждать угрозы, откуда они не исходили бы.

Сегодня спустя десятилетие мы видим, что за борьбой с терроризмом стоят и другие цели, которые носят и экономический, и стратегический характер. Добавив к этому нарушение норм международного права

в угоду своим экспансионистским стремлениям, а так же огромное количество жертв среди мирного населения, можно с уверенностью говорить о том, что США из борца с терроризмом превратились в террориста №1 в мире.

То есть, из названия следует, что США провозгласившие новый мировой порядок и самоназначив себя на роль шерифа, следящего за ним, являются при этом и державой-террористом, которая крушит любой другой порядок, отличный от американоцентричной либеральной демократии, погружая страны и регионы в хаос. Такой своеобразный хаотический порядок, хаорд или хаосмос Делёза с политическим уклоном.

Для написания книги Леонидом Савиным были использованы в основном американские источники, архивные материалы и релевантные документы, на основании которых автором рассматривается широкий спектр вопросов: от военной стратегии, тайных операций и подрывных акций спецслужб до манипуляций с киберпространством.

Можно также отметить, что внешняя политика США и Запада в целом, по отношению к другим странам носит навязчивый характер. Где культурная экспансия несет в себе весть о единственно правильной «мировой культуре» made in USA, где огромное количество НПО занимаются выхолащиванием политических идеологий и традиционных ценностей, критикой политических режимов и народных традиций.

Предвидя со стороны критиков упреки в излишнем антиамериканизме, а так же реплик типа: «А может и атаку на Перл-Харбор американцы сами подстроили?» Леонид Савин занялся исследованием и, конкретно в этом случае, сменил вопрос на утверждение.

Ссылаясь на книгу Роберта Стиннета «День лжи: правда о федеральном резервном фонде и Перл Харбор» Леонид Савин говорит о том, что администрация Рузвельта намерено спровоцировала атаку японцев на базу в Перл-Харбор для того, чтобы вовлечь США во Вторую мировую войну. Эти утверждения он основывает на архивах военной разведки США, которые стали доступны для изучения буквально совсем недавно. А, отвечая на вопрос, кому же была выгодна эта провокация, Леонид Савин дает следующий ответ: определенной финансовой группе, которая получила сверхприбыли с войны, вступившей в сговор с политическим истеблишментом США, одержимого идеей либерального мессианства и мирового господства.

Раскрывая тему стремления к мировому господству, автор неоднократно приводит различные примеры манипуляций на основе спровоцированных конфликтов. Впрочем, США являются не только провокаторами конфликтов, но и инициаторами многих войн. После Второй мировой войны в американской военно-научной среде произошел бум

по разработке новых концепций, доктрин и методик. Результатом этих действий стала новая военная стратегия Пентагона США, смысл которой состоит в том, что бы управлять всеми и всюду, а так же контролировать мировой океан, землю, воздух, космос и киберпространство. То есть, Леонид Савин в своей книге утверждает, что США для защиты своих интересов, союзников и партнеров готовы использовать все необходимые средства: дипломатические и военные, информационные и экономические.

В 2011 году США запустили стратегию, связанную с кибербезопасностью, смысл которой заключается в том, что американцы пытаются навязать свои правила игры в киберпространстве, которая будет соответствовать общей концепции безопасности глобального лидерства США и полного спектра доминирования Пентагона. Как пишет в своей книге Леонид Савин, это «позволит американцам исказить, опровергать, приводить в негодность и уничтожать информацию и компьютеры по всему миру». При этом будет оказываться давление на неудобные режимы, вплоть до их смены, различными Интернет технологиями по типу twitter-революций. То есть, привлекая союзников и частные фирмы, которые работают в сфере информации и безопасности, США планируют установить новый мировой порядок в виртуальном пространстве.

При этом, раскрывая манипулятивные технологии в сети Интернет, автор в своих исследовательских материалах показывает на примере социальных сетей, таких как Twitter и Facebook, как американские военные занимаются своей пропагандой. Для этих целей специалисты военного ведомства США использует фиктивные аккаунты в обсуждениях острых социальных тем. Самое важное, на мой взгляд, в этих исследованиях то, что затрагивается социальный аспект, который, как и сама всемирная паутина, носит глобальное измерение.

Современные социологи выделяют крупную макросоциальную группу лиц, которые, как правило, родились в 1990-х годах, и для которых подключение к сервисам Интернет является неотъемлемой частью их жизни. Главный редактор журнала «Геополитика», описывая данную группу, говорит о том, что они прекрасно знакомы с технологиями, постоянно используют различные веб-сервисы для коммуникации, зачастую используя для общения текстовые сообщения вместо голоса. В общем, формируется новое поколение, которое не будет знать иной реальности кроме виртуальной. Говоря о данном социальном типе людей, Леонид Савин приводит статистические данные того, что к 2020 году их доля в США, странах Европы и БРИК будет составлять более 40%, а в остальном мире не менее 10%.

Для обозначения данной группы людей социологи используют тер-

мин «поколение net», на ряду с которым прижился термин «поколение С», предложенный компанией Booz&Companу. Значение термина специалисты компании трактуют следующим образом: характеризующий формирующийся новый тип людей набор таксономий, как правило, начинается с английской буквы «С» — connected, communicating, content-centric, computerized, community-oriented, clicking. Сама компания занимается вопросами стратегии и технологической трансформации.

Так же мне хотелось бы обратить внимание на слова Леонида Владимировича о том, что социальная виртуализация будет проходить повсеместно, при этом Интернет станет децентрализованным. Традиционные порталы уступят место сервисам, которые будут динамично переконфигурироваться исходя из предпочтений пользователя, а порой и самостоятельно навязывая контент, формируя мнение по тому или иному вопросу.

Уместно вспомнить о концепции подключенности Томаса Барнета, который обосновал ее на базе теории мир-системы Валерстайна, обозначив строение мирового пространства как Ядро (Core) и Провал (Gap), взаимодействие между которыми основано на факторе подключённости (Connectedness) стран к основным глобальным процессам. Загрузка нового контента в подключаемые общества приведут к социальным мутациям последних. Как при этом утверждает Леонид Савин, и сам контент, и мобильные устройства связи, и портативные гаджеты будут полностью интегрированы в глобальное кольцо тоталитарного подключения для управления инстинктами нового типа всемирного «социального животного».

Хотя в книге также затрагиваются темы продвижения НАТО на Восток, подробно исследуется вопрос с вооружением сирийских «повстанцев», рассматриваются американские стратегии и технологии по демонизации Ирана и некоторые другие темы, мне все же хотелось бы продолжить разбор вопросов связанных с кибертематикой.

Так, продолжая рассматривать тему, связанную с киберпространством, Леонид Савин затрагивает вопросы, связанные с управлением и контролем виртуализирующегося общества. Отталкиваясь от концепции «Паноптикума» английского философа XVIII века Иеремиа Бентама, поляризовавшего рассмотрение всех политических вопросов до двух инстинктов — боли и удовольствия, а также продифференцировав эту концепцию по философским выкладкам Мишеля Фуко, который посвятил свою жизнь изучению феномена власти, Леонид Савин в своей книге пишет о том, что основная цель паноптикума — это необходимость приведения заключенного в состояние, когда он осознает, что надзор за

ним осуществляется постоянно. Таким образом взгляд на индивидуума интериоризирует его настолько, что он станет вести наблюдение над самим собой и против самого себя, попадая в ситуацию непрерывной власти, носителем которой он сам и является.

Помещая все это в киберпространство, можно смело говорить о том, что члены все более виртуализирующихся обществ, используя в повседневной жизни различные социальные сети и Интернет-сервисы, добровольно помещают себя в эту тюрьму без стен, в которой мягко и незаметно внедрены новые средства контроля. Получается такая вот своеобразная глобальная пенитенциарная система, основанная на добровольной основе.

Ну а тот факт, что продвигаемый американцами тренд подхватывают различные корпорации и частный бизнес, для извлечения прибылей, включая в свои продукты технологии контроля и транслируя, таким образом, свою лояльность, для различного рода экспертов является притчей во языцех. Так со ссылкой на бывшего директора Google по информационным технологиям Дугласа Мерила, Леонид Савин говорит о том, что набор приложений GoogleApps расширяет границы слежки, увеличивая присутствие Большого Брата в сети Интернет. Исходя из того, что Google является информационным каналом более 50% глобального трафика, совершенно понятны действия китайских властей по ограничению деятельности компании на территории КНР.

В своих исследованиях Леонид Савин разбирает и деятельность популярных во всем мире социальных сетей Facebook и Twitter, но не будем останавливаться на этой теме, так как, в общем-то, они не выбиваются из общего тренда. Так же как и Google, они знают о своих пользователях буквально все и на основании передаваемых в добровольном порядке данных строят поразительно точные портреты пользователя, при этом устраивая детальную слежку за жизнью и высказываниями человека.

Еще об одном достойном внимания явлении, связанным с Интернет пространством, повествует автор на страницах своей книги — это новый тип оппозиционеров, действующих одновременно и на локальном, и на глобальном уровнях. Так называемые кибердиссиденты, которые во многом похожи на своих обычных коллег, но при этом активно использующие современные технологии коммуникаций и Интернет. Показывая в своих работах как взаимосвязана деятельность данного типа оппозиционеров с ведением внешней политики США, а так же с лоббированием интересов крупного бизнеса и государственного сектора, автор к этому добавляет еще один аспект, связанный с перехватом протестного нарратива в различных странах и принятием на себя управления данными инициативами в глобальном масштабе. Целью, ни много ни мало, является

ся попытка десоверенизации государств и подчинение их граждан новой системе глобального управления.

Подытоживая, можно сказать, что, рассмотрев одну из исследованных в книге магистральных линий, мы видим, что автор наглядно показал, как американская дипломатия использует глобальные сети и инструментарий новых медиатехнологий, продолжает манипулировать общественным сознанием, следить за всеми пользователями, которые в погоне за технологическим прогрессом подвергаются американской пропаганде в глобальном виртуальном пространстве.

Сведения об авторах

Алтухов Вячеслав Викторович — сотрудник информационно-аналитического отдела Международного «Евразийского движения».

Азизова Зохра — кандидат политических наук, исполнительный редактор журнала «Казахстан в глобальных процессах», Институт мировой экономики и политики при Фонде Первого Президента Республики Казахстан — Лидера Нации.

Бирюков Сергей Владимирович — доктор политических наук, профессор кафедры политических наук Кемерововского Государственного Университета.

Вучич, Юре — франко-хорватский геополитик и писатель, автор книг «Фрагменты геополитической мысли», «Хорватия и Средиземноморье: геополитические аспекты», «Интеллектуальный терроризм», «Площадь Маршала Тито — мифы и факты титоизма», «Война миров: Евразийство против Атлантизма» и др. Заведующий кафедрой политологии и геополитики Государственного института Matica Hrvatska.

Гаррисон, Стефан (Stephan Harrison) — геоморфолог, специалист по климатическим изменениям и ландшафту (Оксфордский Университет).

Дугин Александр Гельевич — доктор политических наук, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии международных отношений Социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Лихачев Максим Александрович — научный сотрудник Уральского регионального информационно-аналитического центра РИСИ в Екатеринбурге, кандидат юридических наук.

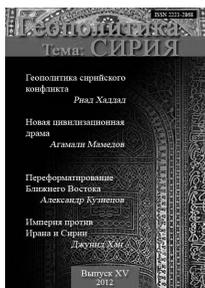
Петрашкова Наталья Сергеевна — аспирант 3 года социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Попов Дмитрий Сергеевич — Руководитель Уральского регионального информационно-аналитического центра РИСИ, г. Екатеринбург.

Савин Леонид Владимирович — главный редактор журнала «Геополитика» и интернет портала Геополитика.Ру.

Тулешов Валихан Утебаыгулы — кандидат философских наук, заместитель директора Институт мировой экономики и политики при Фонде Первого Президента Республики Казахстан — Лидера Нации.

Геополитика № 15. Сирия

СОДЕРЖАНИЕ

Геополитика сирийского конфликта	4
<i>Хаддад, Риад</i>	
Новая цивилизационная драма: поиски альтернатив.	13
<i>Агамали Мамедов</i>	
Переформатирование политического пространства Ближнего Востока в неокOLONIALном контексте .19	
<i>Александр Кузнецов</i>	
Кто вооружает свободную сирийскую армию?.. .27	
<i>Леонид Савин</i>	
Империю против Ирана и Сирии	32
<i>Джунид Хан</i>	
Фактор анархии в Сирии	39
<i>Итамар Рабинович</i>	
Умеренный ислам или soft power для мусульман?.. .42	
<i>Леонид Савин</i>	
Теория секьюритизации в международных отношениях	47
<i>Ольга Якушина</i>	
От Ливии к Сирии: война это ракет, и была им всегда.	88
<i>Джеймс Корбетт</i>	
Империю готовит "самострел" в Персидском заливе?..	92
<i>Карлос Риверо Койадо</i>	
Репортаж	100
Сведения об авторах	108

Все выпуски можно приобрести в редакции
или заказать подписку.
Подробности: geopolitika.ru@gmail.com

Геополитика.
Информационно-аналитическое издание.
Выпуск XVI, 2012. — 105 стр.

Печатается по решению кафедры
Социологии Международных
Отношений Социологического факультета
МГУ им М.В. Ломоносова.

© — авторы.

Адрес редакции:

РФ, 117105, Москва, Варшавское ш. 1/1-2, бизнес-центр
W-Plaza, офис А308.
Тел./Факс (495) 783 68 66
Geopolitika.ru@gmail.com
www.geopolitika.ru

Подписано в печать 5 июля 2012 г.